№1 (март 2019)

Каллиграф

ЖИВАЯ ЛЕГЕНДА

Выдающийся русский мастер исламской каллиграфии Владимир Александрович Попов дал интервью в уютной мастерской-квартире для нашего журнала.

ХРОНИКА МУЗЕЯ КАЛЛИГРАФИИ

Уникальное выставочное пространство, объединяющее под своей кровлей ценителей букв, любителей искусства красивого письма и всех неравнодушных к прекрасному

МЕГАПОЛИС. БЕЛЫЙ ШУМ

ИСТОРИЯ ОДНОЙ КАРТИНЫ

Долгий путь в мир букв

Интервью члена Профессионального союза художников России Юрия Ивановича Ковердяева – человека, беззаветно влюбленного в искусство красивого письма.

слово редактора

Дорогие друзья!

С огромной радостью и волнением представляю вашему вниманию первый и единственный в России журнал «Каллиграф», рассказывающий об уникальных мастерах искусства красивого письма. Проект стал логическим продолжением деятельности Современного музея каллиграфии и Международной выставки каллиграфии.

Выражаю надежду, что журнал послужит для популяризации данного вида искусства, познакомит читателей с самобытными творческими личностями, необычными техниками и стилями, авторскими методическими разработками. На его страницах представлены истории о чудесных изменениях, произошедших в жизни и творчестве художников, об извилистых путях, приводящих к профессии. Хочется верить, что «Каллиграф»станет источником вдохновения и стимулом для развития.

Наша команда ориентируется на духовного и вдумчивого читателя, любящего слово, занимающегося искусством красивого письма или только делающего первые шаги навстречу этому удивительному миру.

Мы хотим объединить увлеченных людей в пространстве, свободном для диалога.Наш журнал открыт для обмена мнениями по широкому кругу вопросов. Уверен, что «Каллиграф» станет интересной и содержательной международной площадкой для обсуждения актуальных проблем и задач, связанных с искусством красивого письма.

Выражаю авторам и читателям искреннюю признательность за проявленный интерес и активное участие в развитии журнала с самых первых шагов его становления.

Желаю вам приятных минут чтения! В добрый путь!

С уважением, главный редактор,
Президент Конгрессно-выставочного центра «Сокольники»,
директор Современного музея каллиграфии,
директор проекта «Международная выставка каллиграфии»
Алексей Юрьевич Шабуров

Хроника музея каллиграфии

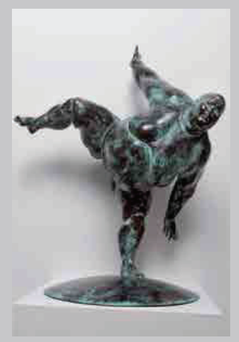
Современный музей каллиграфии – уникальное выставочное пространство, объединяющее под своей кровлей ценителей букв, любителей искусства красивого письма и всех неравнодушных к прекрасному.

Выставочное пространство постоянно живет, развивается, трансформируется в соответствии с потребностями посетителей, отвечает на их запросы. Музей посещают художники мирового уровня, проводят здесь свои мастер-классы, именно в этих стенах проходят красочные выставки, необычные экскурсии для гостей столицы и москвичей всех возрастов. Целью работы Современного музея каллиграфии является сохранение и развитие традиций искусства красивого письма.

За прошедший год в хронику музея были вписаны два знаковых события.

В сентябре 2018 года Современный музей каллиграфии отметил юбилей. За 10 лет выставочное пространство объединило вокруг себя тех, кто привносит свежие идеи в искусство каллиграфии. Музей обладает обширным собранием каллиграфических шедевров XX – начала XXI вв. от 443 современных мастеров из 65 стран мира. Постоянная экспозиция насчитывает более 150 экспонатов и состоит из тематических разделов, представляющих культуру письма разных народов и религий, на стенах развешаны запоминающиеся образцы славянского, западноевропейского, японского, китайского, корейского, еврейского, арабского видов письма. Гордость коллекции составляют уникальные экспонаты: рукописная Конституция Российской Федерации, Царь-мезуза (шедевр сакральной еврейской каллиграфии, занесенный в «Книгу рекордов Гиннесса»), микроминиатюры и многое другое. За период существования музея проведены 6 Международных выставок, проходил ряд тематических мероприятий, например, «Каллиграфия о Москве» или выставка ко Дню Победы.

10 лет – серьезный рубеж в истории развития музея. На юбилее среди почетных гостей присутствовали начальник Управления международных связей и протокола Департамента внешнеэкономических и международных связей города Москвы Мануйлов Вячеслав Викторович, второй секретарь Посольства КНР в Российской Федерации Ван Жуй, атташе по культуре Посольства Италии Вальтер Ферраро и атташе по науке, профессор Альдо Спаллоне, атташе по культуре и науке Посольства государства Израиль в Российской Федерации Анна Кейнан, первый секретарь Посольства Монголии Агваангонгор Амарсайхан, президент Ассоциации монгольской каллиграфии А. Далангурав, экс-заместитель министра культуры Российской Федерации, доктор экономических наук А. Е. Бусыгин, представитель самого крупного музея кал-



Приветственное слово директора Современного музея каллиграфии А.Ю. Шабурова гостям вечера.

Заместитель председателя комитета Государственной Думы ФС РФ по образованию и науке Любовь Духанина отметила несомненную значимость музея.

Выступление Советника по культуре Посольства Китайской Народной Республики в Российской Федерации госпожи Гун Цзяцзя.

Атташе по культуре Посольства Италии Вальтер Ферраро поздравил музей с юбилеем.

Подарок музею — бирюзово-синяя каллиграмма «Айин Ле-Цийон», исполненная на иврите каллиграфом Авраамом Борщевским.

А.Ю. Шабуров, Владелец ведущего итальянского бренда элитарных письменных принадлежностей «Montegrappa» Джузеппе Акила, атташе по культуре и науке Посольства Государства Израиль в Российской Федерации Анна Кейнан, американский бизнесмен Дэвид Вейцман и гости выставки.

Выступление одного из ведущих специалистов по культуре и философии Китая, каллиграфа, профессора Кун Линминя, потомка Конфуция в 76 поколении.

лиграфии Китая имени выдающегося каллиграфа Чжан Хая, глава культурного фонда Чжан Голян.

С приветственным словом выступила Заместитель председателя комитета Государственной Думы ФС РФ по образованию и науке, председатель российского общества «Знание» Духанина Любовь Николаевна, подчеркнув важную роль музея в популяризации искусства красивого письма необходимого для развития гармоничной личности.

С поздравлениями выступил владелец ведущего итальянского бренда элитарных письменных принадлежностей "Montegrappa"Джузеппе Акила и американский бизнесмен Дэвид Вейцман. Они рассказали о письменном наборе, созданном специально к 70-летию образования Государства Израиль в сотрудничестве Авраамом Борщевским. По случаю юбилея музея каллиграф подготовил специальный подарок – бирюзово-синюю каллиграмму «Айин Ле-Цийон» на иврите, заключенную в середине круглого панно. Эта работа содержит 2 слова из гимна Израиля, остроумно интерпретированных как «70-летие Израиля». В дар музея было предоставлено панно, подписанное Джузеппе Акилой и Дэвидом Вейцманом.

Советник по культуре Посольства Китайской Народной Республики в Российской Федерации госпожа Гун Цзяцзя выразила восхищение деятельностью выставочного пространства. Особо отмечен был знаковый совместный российско-китайский проект – выставка «Великая китайская каллиграфия и живопись».

На юбилее была представлена часть необъятной коллекции директора частного музея Книги, члена Московского Союза Художников и Российского книжного союза Вадима Вольфсона, вобравшей в себя как редчайшие экземпляры металлических перьев, так и те, что изготавливались специально с целью запечатлеть важные даты российской и мировой истории.

Завершением вечера стало выступление одного из ведущих специалистов по культуре и философии Китая, каллиграфа, профессора Кун Линминя, потомка Конфуция в 76-м поколении, созданную им картину мастер преподнес в подарок музею.

Вторым значимым событием для музея стала презентация выставки «Великая китайская каллиграфия и живопись», о котором упоминалось ранее. Она состоялась 14 декабря 2018 года.

В следующем году Китай и Россия отмечают 70 лет дипломатических отношений, установленных 2 октября 1949 г. между СССР и новообразовавшейся Китайской Народной Республикой. Выставка будет приурочена к этой знаменательной дате.

Проект, организаторами которого выступают Современный музей каллиграфии и Всекитайская ассоциация каллиграфов «Жесткие перья», пройдёт 19–22 сентября. Партнерами выставки выступят! Конгрессно-выставочный центр «Сокольники», Всекитайская ассоциация каллиграфов провинции Хэйлунцзян, Всемирный клуб петербуржцев, Национальный союз каллиграфов.

Чжан Хуацин и А.Ю. Шабуров.

Евгений Авласевич и А.Ю. Шабуров.

Мастре-класс Ю.И. Ковердяева.

Лю Лимэй, Ли Бин, Сюн Цзен, А.Ю. Шабуров, чрезвычайный уполномоченный послол КНР в РФ Ли Хуэй.

Художник китайской живописи Анна Донченко и Татьяна Калинина, поэтесса, дочь Михаила Басманова, супруга заместителя начальника департамента Азии МИД.

Любовь Духанина, Вадим Вольфсон (директор частного музея Книги, член Московского Союза Художников и Российского книжного союза) и помощник директора Современного музея каллиграфии Л.И. Куланина.

В рамках проекта на площади в 3500 квадратных метров разместятся более 300 каллиграфических работ и работ традиционной живописи из всех провинций Китая. В программе мероприятия будут присутствовать музыкальные вечера, презентации книг, среди которых каталог выставки, мастер-классы, уроки чайной церемонии и многое другое.

Алексей Юрьевич отметил: «Мы учли все недочёты и ошибки, введём определённые новшества, и красота самого пространства будет действительно радовать глаз и сердце. В экспозиции павильона не будет витиеватости. Это будет белый пол, символизирующий белый лист бумаги, классическое расположение стен, красиво и профессионально выставленный свет и зоны, где будет проходить всё действо: зона презентаций, зона мастер-классов, зона презентации книг китайских поэтов, переведенных на китайский язык».

Среди почетных гостей были председатель ассоциации «Жёсткие перья», проректор Академии Камин при Ассоциации содействия развитию демократии Чжан Хуацин, вице-президент Всекитайской ассоциации каллиграфов провинции Хэйлунцзян, директор Академии каллиграфии и живописи Политического консультативного совета Китая Чжао Сюэли.

В официальной части прозвучали слова благодарности в адрес тех, кто оказывал посильную помощь проекту, который смог состояться при поддержке Министерства культуры Российской Федерации, Министерства иностранных дел Российской Федерации, Комитета Государственной Думы по науке и образованию, Комитета Государственной Думы по культуре, Посольства Китайской Народной Республики, Российско-Китайского Комитета дружбы, мира и развития, Общества китайско-российской дружбы, Комитета Совета Федерации по международным делам, Китайского культурного центра в г. Москве, Всемирного клуба петербуржцев.

С приветственным словом к организаторам и участникам выступили почетные гости мероприятия: Любовь Николаевна Духанина (депутат Государственной Думы, Заместитель председателя Комитета по образованию и науке), Ли Хуэй (Чрезвычайный и Полномочный Посол Китайской Народной Республики в Российской Федерации), Чжан Хуацин (Председатель Всекитайской ассоциации каллиграфов «Жесткие перья»), Чжао Сюэли (вице-президент Всекитайской ассоциации каллиграфов провинции Хэйлунцзян), Борис Юрьевич Титов (Председатель российской части Российско-Китайского Комитета дружбы, мира и развития), Валентина Трофимовна Орлова (Председатель Правления Всемирного клуба петербуржцев). Среди гостей мероприятия былиГавва Ирена Николаевна, 1-й секретарь 1-го департамента Азии МИД; Монкевич Виталий Викентьевич, президент Русско-Азиатского Союза промышленников и предпринимателей; Седов Александр Всеволодович, генеральный директор Государственного музея искусства народов Востока; Ван Жуй, 2-й секретарь Посольства Китайской Народной Республики в Российской Федерации; Бусыгин Андрей Евгеньевич – экс-заместитель министра культуры РФ (2008–2013 гг.); Колесов Евгений Викторович, автор и ведущий программы «Открытие Китая» на Первом канале, учредитель компании OPTIM consult; Алексахин Алексей Николаевич, заведующий кафедрой китайского, вьетнамского, лаосского и тайского языков; Войтишек Елена Эдмундовна, заведующая кафедрой востоковедения НГУ; Архипов Иван Борисович, гендиректор Фонда экономического сотрудничества им. И.В. Архипова; а также главы информационных ресурсов: журнала «Мир музея», журнала «Новости Китая», глава представительства «Жэньминь хуабао» в г. Москве и другие, не менее значимые фигуры.

Приятным сюрпризом для всех стало выступление Сергея Николаевича Рязанского – российского космонавта-испытателя отряда космонавтов Роскосмос, первого в мире учёного-командира космического корабля, рассказавшего о каллиграфии в звёздных просторах.

Важным событием презентации стала публикация экспертного заключения, изданного Федеральным государственным бюджетным учреждением культуры «Музей искусства народов Востока». В нем сообщается, что «работы из коллекции А.Ю. Шабурова, выполненные художниками и дизайнерами нашего времени, это оригинальные и уникальные авторские произведения, имеющие художественную и культурную ценность, которые достойны быть включенными в состав негосударственной части Музейного фонда РФ». Это большое событие, подтверждающее статус музея и статус каллиграфов, так, на презентации присутствовали двое авторов (Чжао Сюэли и Ло Лэй), чьи произведения указаны в данном списке. Директор музея выразил благодарность специалистам, экспертному сообществу, которые оказали неоценимую консультативную поддержку при проведении искусствоведческой экспертизы — Ковалец Анне Сергеевне, замдиректора «Музея истории народов Востока», Петровой Ирине Михайловне, инспектору фонда Отдела ведения централизованного учета Музейного фонда Российской Федерации, и Марковой Дарье Юрьевне, начальнику Отдела Музейного фонда Российской Федерации.

В процессе презентации выставки был представлен альбом «Почерки с открыток: Новогодние открытки с 1949 по 1962 год», состоящий из уникальных экспонатов коллекции директора музея «Старый Новый Год»Владислава Дмитриева. В торжественной обстановке Алексей Юрьевич преподнёс книгу с точно воспроизведенными копиями открыток в дар Чрезвычайному и Полномочному Послу КНР Ли Хуэю.

Официальная часть мероприятия завершилась мастер-классами каллиграфами двух ведущих ассоциаций Китая («Жесткие перья» и Всекитайская ассоциация каллиграфов из провинции Хэйлунцзян), а также демонстрацией творческих умений русских коллег: Юрия Ковердяева и Светланы Молодченко. Художники творили под музыкальное сопровождение национального инструмента гуцинь и гуслей. Завершилось мероприятие вдумчивым осмотром экспозиции гостями и праздничным фуршетом.

Благодарим всех, кто движется с нами в одном направлении, поддерживает нас и стремится всеми силами сохранить историческое наследие и интернациональную культуру письма! Выражаем надежду на будущие интересные проекты и мероприятия.

Китайский каллиграф Чжао Суэйли

Чжао Суэйли один из представителей китайской классической каллиграфической школы. Его творчество, олицетворяет китайскую каллиграфию во всех ее неповторяемых линиях и тонкостях, которые хранят в себе историю и философию Китая.

Чжао Суэли родился в 1954 г. в г. Хэган провинции Хэйлунцзян.

Неоднократный участник и лауреат важных выставок страны. Живописные работы многократно экспонировались на выставках НИИ искусствоведения Китая.

В 2008 г. издательством «Народное искусство» выпущен «Сборник произведений каллиграфии Чжао Сюэли», в 2013 г. издательством «История культуры Китая» выпущен альбом «Тысяча иероглифов в стиле „цаошу“ Чжао Сюэли», в 2017 г. издательством просвещение — «Каллиграфия „Даодэцзин“ Лао Цзы в исполнении Чжао Сюэли».

Вел авторские рубрики в печатных изданиях «Каллиграфия и живопись Китая», «Мир живописи», «Альманах искусств Китая», «Газета НПКСК», «Хэйлунцзян жибао».

Его работы хранятся в национальных и частных коллекциях Южной Кореи, Японии, Англии, России, Гонконга, Макао, Тайваня.

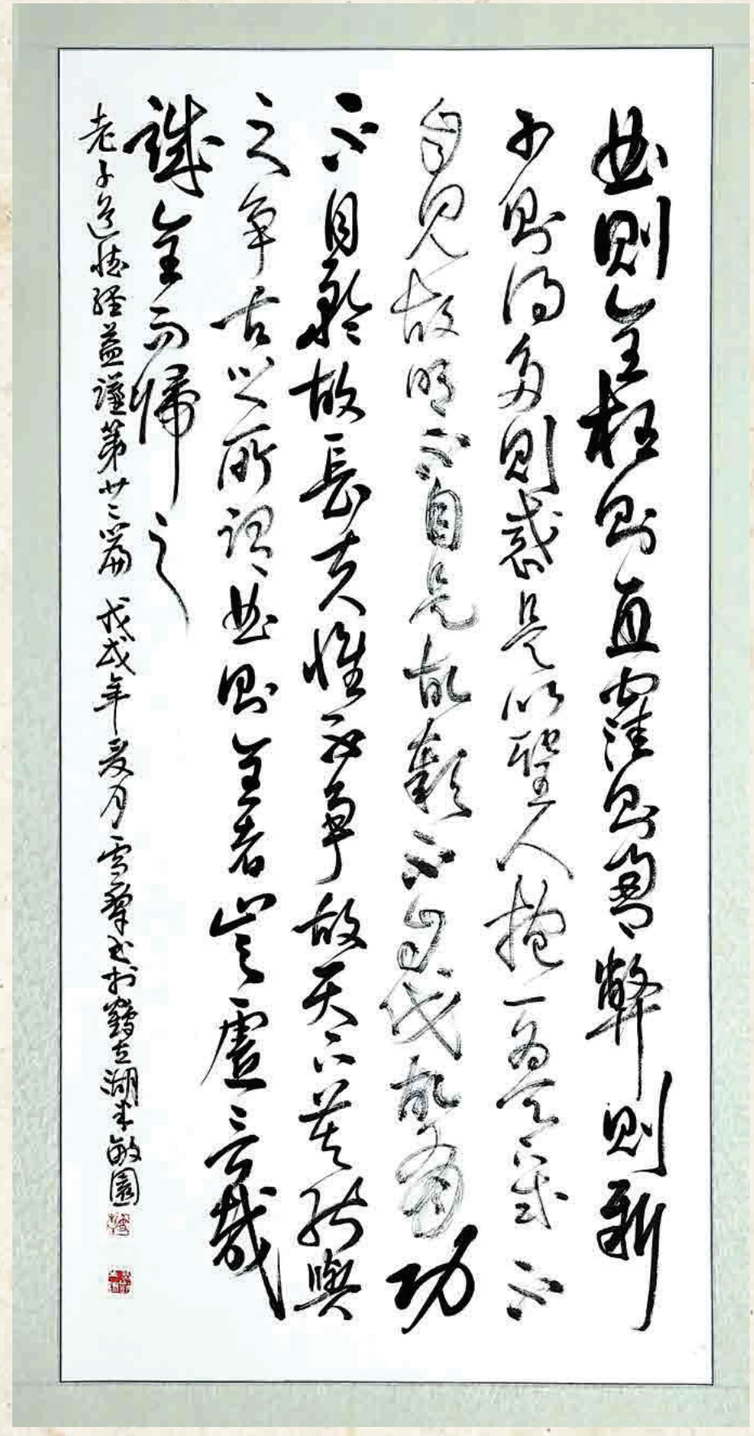
На специальном конкурсе 2012 г. был признан в числе «30 лучших каллиграфов современности, чьи работы имеют художественную ценность наряду с рыночным потенциалом».

В 2018 году Чжао Сюэли впервые оказался в Современном музее Каллиграфии в Москве, где он проводил мастер-класс по китайской каллиграфии для московской аудитории. С этого дня Чжао Суэли стал по настоящему другом музея и его партнером. Он подарил несколько своих уникальных работ музею, среди которых: Фагмент тарактата Лао Цзы «Даодэцзын», «Счастье», «стихотворение по указу императора Уезжать на лето в Дворец Цзючэн князя Ци».

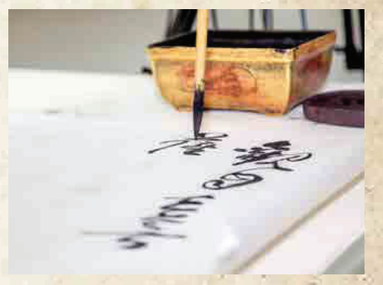
Именно встреча с каллиграфом Чжао Сюэли положила начало новому проекту, - выставка «Великая китайская каллиграфия и живопись». Этот проект состоится с 20 по 22 сентября 2019 года в КВЦ Сокольники. Именно там на выставке будет представлена большая коллекция современных работ этого уникального каллиграфа.

Шабуров Алексей в гостях в мастерской у Чжао Суэйли.

Севастьянов Вячеслав, Чжао Суэйли и Шабуров Алексей на презентация выставки «Великая китайская каллиграфия и живопись».

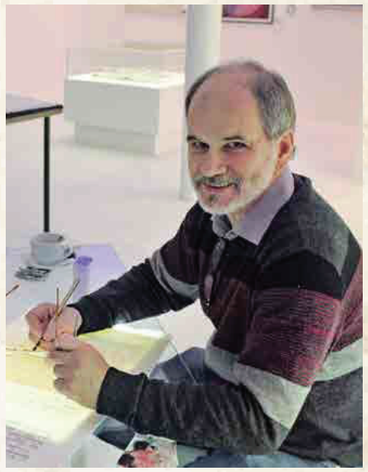


Трактат Лао Цзы «Дао дэцзин». фрагмент / рисовая бумага, тушь / стиль цаошу (травяное письмо), 2018 г.



Мастер-класс по китайской каллиграфии в рамках презентации проекта «Один в лодке читая Лаоцзы» 17 мая 2018 г.

Долгий путь в мир букв



Представляем вашему вниманию интервью члена Профессионального союза художников России Юрия Ивановича Ковердяева – человека, беззаветно влюбленного в искусство красивого письма.

Юрий Иванович, расскажите о своем пути в мир каллиграфии. Когда появилось это увлечение?

Начиналось всё незаметно. В школе я очень не любил уроки чистописания, но немножко рисовал, хотя это было, конечно, на детском уровне. На фоне тех, кто вообще ничего не делал, легко получал пятерки. Постепенно стали поручать писать тематические стенды для учебных кабинетов, к праздникам – лозунги на красном материале. При этом любил точные науки, а в остальное время оставался обычным пацаном – футбол, велосипед, лыжи, хоккей, рыбалка, уличные разборки и т.д.

После школы поступил в МВТУ им. Н. Э. Баумана, но проучился недолго – ушел в армию. Когда уходил, меня предупредили знакомые, чтобы я сразу признался в умении рисовать, действительно, это помогло. Карьера боевого десантника для меня кончилась в одном походе на стрельбище. Остановили роту, вызвали из строя, поручили писать стенд перед штабом, так и началось. Незадолго до моего призыва построили новый клуб, уволился полковой художник – одно к одному: назначили меня на эту должность.

Работы в клубе и по территории части всегда хватало, но когда рота выдвигается на учение и прыжки, я со всеми. Всё остальное время что-то рисовал или писал. Чтобы не терять время, выполняя работы, стал осваивать стандартные шрифты: брал газету «Правда» и старательно переписывал, копируя буквы. Скоро понял, что именно писать я и люблю.

Когда вернулся, восстановился на вечернее отделение, начал работать в Центральном институте авиационного моторостроения. Писал технические плакаты, рисовал стенгазеты, принимал участие в праздничных оформлениях института и прилежащей территории. Первые четыре года там работал параллельно с учебой в университете (тогда ещё – высшем училище).

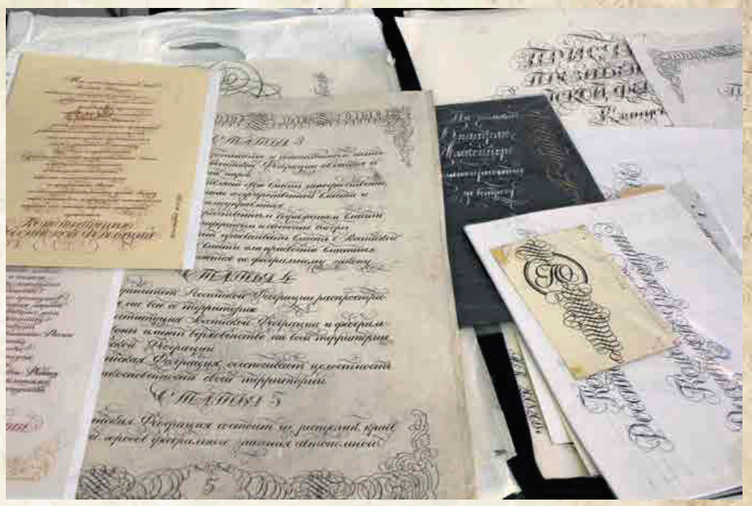
Как-то однокурсники посоветовали сходить на очередную выставку, заодно прочитать интересное объявление. В нем работников издательств приглашали в студии иллюстрации, стандартного шрифта, каллиграфического шрифта и др. Меня это заинтересовало, только я же в НИИ работал, куда мне… Пришел к своему начальству с понурой головой, но тут выяснилось, что у нас есть ещё и научное издательство. Написали мне от работы ходатайство – приняли меня в студию.

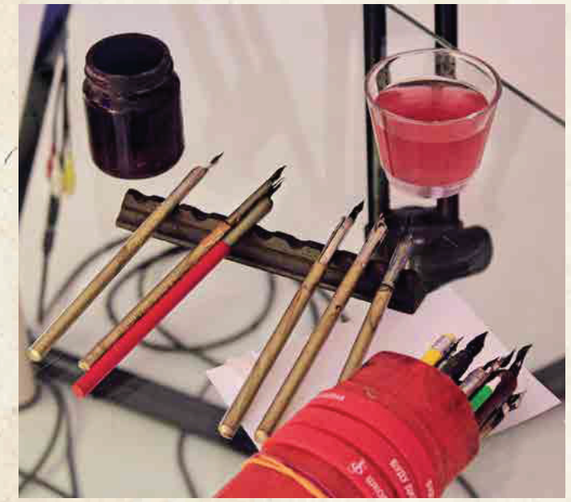
Первый год занятия вёл Евгений Дробязин. Он много рассказывал о ручном письме и о ведущих каллиграфах, иногда показывал технику письма. К концу учебного года для отчётной выставки мы сделали по 2-3 работы. Когда осенью пришли на второй курс, нам заменили преподавателя, к моей радости оказалось, что вести занятия будет Ирина Гусева, известный каллиграф, выпускница нашего Полиграфического института, Лейпцигской Высшей школы графики и искусства книги. О ней я уже знал из недавно вышедшего альбома «Искусство шрифта». Забавно состоялось наше знакомство. На организационном собрании перед началом обучения она попросила показать, чем мы прошлый год занимались. Ей протянули листы с аккуратно вычерченными буквами. Я же, продравшись с галёрки через головы впереди сидящих, вытащил лист с английским курсивом. Она глянула и тут же развернула его для всеобщего обозрения со словами: «Вот что требуется». Потом уже, обратив внимание на мой неподдельный интерес к каллиграфии, она часто приносила на занятия книги и методички по технике письма, а когда однажды после очередных уроков мы гурьбой приехали к ней в гости, я ни на что не хотел смотреть, кроме книжных полок с альбомами Альберта Капра, Яна Чихольда, Виллу Тоотса и других классиков данного искусства. Очень рад, что спустя много лет, мой пыл не ослаб, и при первой возможности приобрёл такие книги, теперь часто их просматриваю, открывая для себя что-то новое.

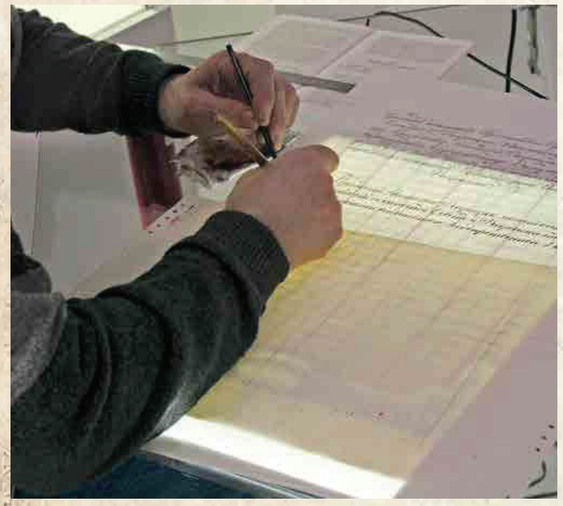
Тогда я не мог знать, насколько полезным окажется опыт работы в бригадах художников-шрифтовиков. После НИИ я семь лет работал в филармонии, писал концертную рекламу, попутно сотрудничал с учебными программами телевидения и редакциями. Концертные афиши выстроены по определённым шаблонам, поэтому очень скоро часто повторяющиеся надписи я стал вырезать на крупных ластиках и просто впечатывать, сокращая время исполнения. Довёл деятельность до вырезания нескольких касс букв и отливки их копий специальным жидким пластиком (ревальтексом) в гипсовые формы. Когда же количество этих штампиков превысило две сотни, я ощутил на себе недоброжелательное внимание пишущего рядом народа: моя производительность превысила привычную для них в несколько раз, а при сдельной оплате труда это мало кому понравится. Но в мужском коллективе не надо объяснять, что могут значить мои регулярные тренировки по восточным единоборствам, поэтому дальше устных недовольств дело не двинулось, и сжигать мою «типографию», как у Гутенберга или Ивана Фёдорова, народ не осмелился. Но и для меня это был наглядный урок.

Попутно ещё раз устроился обучаться художественному шрифту в те же студии, вёл их преподаватель Полиграфического института Михаил Большаков. В 1989 году по грозному требованию Ирины Гусевой, к которой как к Учителю продолжал приносить работы, принял участие в Международной выставке каллиграфии СССР-США. Спустя год мне и это пригодилось, когда после бурных междоусобиц в филармонии со мной не продлили очередной контракт, по совету знакомой оказался на Гознаке. Тоже, конечно, не случайно: мне нравились (и нравятся) композиции ценных бумаг, поэтому часто поздравления и приглашения выполнял в виде банкнот. Что дарил – уходило, а работы для печати приходилось переделывать, при этом первый вариант откладывался в портфолио. Просмотрев эту папочку, главный художник Фабрики Гознака принял меня, а впоследствии на назойливые вопросы новых коллег, откуда я взялся (на Гознак обычно с улицы не попадают) весомым ответом как раз и оказалась та самая советско-американская выставка, именно в этот период экспонировавшаяся в Доме художника на Крымской. В те времена официальных выставочных площадок было в десятки раз меньше, поэтому засветиться на таком уровне дорогого стоило.

На Гознаке я по-настоящему узнал, какое должно быть качество изображения, ознакомился







с технологией полиграфии ценных бумаг, понял, что подделка денег – занятие бесполезное и безнадёжное, и позже, работая в других лицензированных типографиях (Н-Т-ГРАФ, ЭПО), мог вполне квалифицированно выполнять любые заказы. При этом ни здесь, ни на Гознаке старался не откладывать перо надолго и при первой возможности использовать каллиграфический леттеринг в текущей работе.

Как стали преподавателем?

Ничего вечного, к сожалению, нет, после кризиса 2008 года типография ЭПО стала увядать, да вдруг неожиданно замаячил новый горизонт – конкурс каллиграфии к 30-летию газеты «Аргументы и факты». Спасибо интернету, пока шёл срок подачи работ, я увидел, какие творения туда присылают, и, как когда-то в студии Ирины Гусевой, понял: надо действовать. К тому времени мне уже удалось обкатать на друзьях каллиграфические поздравления нестандартных размеров – следующими по очереди и оказались «АиФ». Написал плакат А-0-го формата – работа жюри понравилась, её отправили на 1-ю Международную выставку современной каллиграфии в Санкт-Петербург, в Академию художеств, заодно и меня с ней. Как и в каждом новом месте, и здесь был очарованным странником. Зато спустя три месяца на повторном показе выставки уже в Москве, в Современном музее каллиграфии, чувствовал себя увереннее, даже осмелился по совету организаторов просто сесть за стол и прилюдно писать: это далеко не у всех нормально получается. Так удалось познакомиться с ведущими мастерами: Петром Петровичем Чобитько, Георгием Ивановичем Козубовым, Дмитрием Ильичом Петровским, Евгением Максовичем Добровинским, Павлом Афанасьевичем Семченко, Артёмом Лебедевым, Наджибом Наккашем и другими.

Зимой, в начале 2009 года, активным участникам выставки поручили написать заявление о приёме в Союз каллиграфов, каждого – в своём любимом стиле. Я составил текст челобитной, как это было принято в XVI веке, и исполнил его на бересте полууставом в соответствующей орфографии. Вскоре получил заказ от музея написать в таком же стиле фразу из псалма Давида. Решив, что одну фразу писать несерьёзно, я написал весь псалом, и хотя вместо трёх недель работал над ним больше полугода, думаю, работа того стоила.

Тогда же, в 2009-м, на следующей, самой большой пока выставке мы уже общались как знакомые, и Пётр Петрович посоветовал начать преподавать: в Петербурге школа каллиграфии действовала уже несколько лет, её выпускницы давно успешно вели группы, а в Москве что-то тишина. Для меня тогда эти разговоры были, как обсуждение полёта на Марс: уж кем-кем работать, только не учителем. Но от судьбы не уйдёшь. Типография зачахла, я перешёл на постоянную работу в Современный музей каллиграфии и очень скоро пришлось с головой окунуться в то, о чём и представления не имел: вести занятия у 9 групп учеников в неделю. Дальше как в анекдоте: столько раз объяснял, что и сам понял. Зато получил возможность попытаться хотя бы примерно прописать разные стили письма в их эволюции – тоже давно вынашиваемая затея.

Заявление о вступлении
в Национальный Союз Каллиграфов
Береста, гуашь, тушь, акрил, ширококонечные и остроконечные перья, кисть, 26х69 см, 2009 г.

Грехов юности моей
и преступлений моих не вспоминай
Береста, гуашь, тушь, акрил, ширококонечные и остроконечные перья, кисть, 26х68 см, 2009 г.

Посвящение Ирине Егоровой
Бумага, тушь,
остроконечные перья,
60х180 см, 2005 г.

В конце второго учебного года пришлось отъехать в длительную командировку с выставкой ценных бумаг, а на место преподавателя пригласил Артёма Лебедева, прекрасного опытного профессионала.

По возвращении стал сотрудничать с Андреем Санниковым, каллиграфом, филологом, кандидатом наук в основанной им Школе исторической каллиграфии. Он так же увлечён эволюцией письма, здесь мы нашли друг друга.

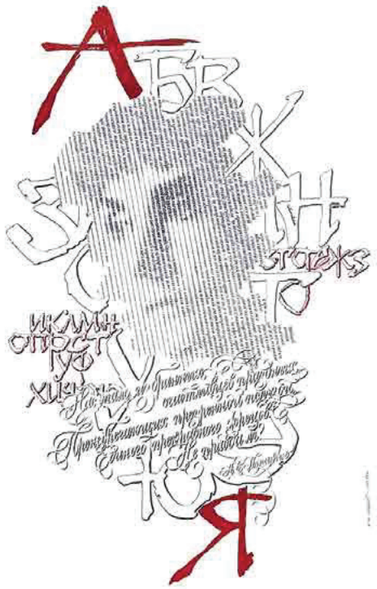
Над чем вы сейчас работаете?

Продолжаю вести школу с Андреем Санниковым, преподавать, изучать рукописи, исследовать на конкретных исторических документах развитие и трансформацию письма. Неподдельно радуюсь, что повезло в здравом уме дожить до интернета, оцифрованных рукописей и возможности добывать их в иностранных библиотеках. Как же много непонятного в истории и технологии письма прояснилось!

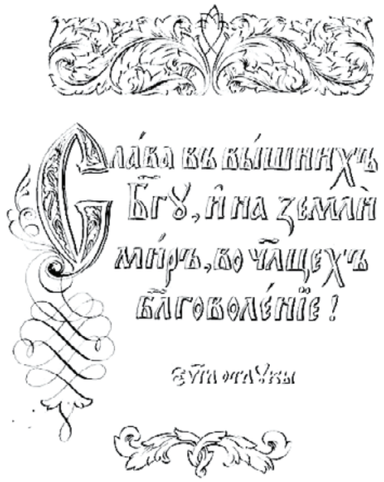
Недавно выпустили книгу по основным стилям славянского письма. На самом деле, это методичка, которую долго требовали от нас ученики. Но когда эту задачу перед нами уже всерьёз поставила дирекция Института культурного и природного наследия, в котором находится наша школа, отступать было некуда. Нам поставили конкретные сроки – мы постарались в них вписаться. Задержались всего на три месяца. Конечно, не могли ожидать от издателей такой оперативности и такого уровня издания: чуть ли не через две недели получился прекрасный альбом, хоть и небольшой, но вполне достойный. Совсем уж неожиданно для нас он попал в список лауреатов конкурса «Лучшая книга года – 2017». Спасибо Андрею – он очень удачно и современно написал и скомпоновал информацию, она познавательна и интересна для читателя любого уровня. Я в качестве иллюстрации прописал по этапам буквы трёх основных стилей: устава, полуустава и скорописи. Как это часто бывает, погружаясь в работу и осознавая её глубину, быстро понимаешь, что многое даже очень важное рассмотреть не получится: или времени не хватит, или объём издания не позволит. К тому же кое-что из несложного и понятного неожиданно ставится под сомнение. Большую помощь тогда оказывают ученики, подтверждая или опровергая своими стараниями те или иные доводы. В общем, работа живая.

В чем секрет изучения каллиграфии?

Внешне – в красоте. А ещё в строгом соответствии культурным, историческим и исполнительским традициям. И конечно в систематическом труде. Изредка встречаются ребята с уникальным талантом. Вот пришёл однажды молодой человек, 9-классник. Принес такие удивительные работы, что если бы так писали наши выпускники, я был бы счастлив. Он дома занимается самостоятельно, обладает настолько острым глазом, что замечает принцип письма, чувствует композицию. У него буквы не теснятся, не рассыпаются, выходят отличные листы. Вот он – самородок. Я бы рад обратить его в каллиграфическую веру, но понимаю, что этим он на жизнь не заработает.



Слава в вышних Богу...
Бумага, тушь,
остроконечные перья,
29х42 см, 2009 г.



Посвящение учителю
Ирине Гусевой
Бумага, тушь, гуашь,
остроконечное перо, кисть,
70х120 см, 2006 г.

Каллиграфия – не прибыльное занятие?

Ирина Гусева одной фразой разбила иллюзию на первом же занятии:

«Ребята, кто хочет с помощью каллиграфии зарабатывать деньги, может больше не приходить». Это на западе каллиграф – профессия, у нас же это некое «прилагательное» к оформлению книги, плаката и др. К письму принято относиться утилитарно. «Пиши так, чтобы прочесть могли из проезжающего троллейбуса», - наставлял меня пожилой бригадир в филармонии. Но то была больше информационная реклама, у неё своя задача. Изысканные надписи могли приветствоваться только в оформлении книг или небольших печатных изданий определённой тематики. Кстати, и издательств, и типографий, а стало быть, и печатной продукции было во много раз меньше. Соответственно и потребность в художественном оформлении последней тоже была невелика. Станковая каллиграфия и вовсе не воспринималась. Этим видом искусства будут заниматься только те, кто влюблен в процесс. Из той команды, что училась на курсах, только я и Елена Васильевна Эпштейн-Орлова занимаемся профессионально.

Оттого и неудивительно восторженное изумление посетителей первых выставок, когда звонящий с экспозиции своему товарищу растерянно озирается и не знает, как описать то, что видит вокруг себя: вроде и не картины, а просто набор букв, но красота неописуемая.

Теперь, благодаря развитию и популяризации, каллиграфия, во-первых, привлекает новых поклонников и учеников, во-вторых, всё громче заявляет о себе как об отдельном уникальном виде искусства. Всё чаще каллиграфы принимают участие в различных выставках, художественных и дизайнерских проектах, чаще можно видеть прекрасно оформленные поздравления, приглашения, другие изделия малой графики – становится модным и престижным использовать живое письмо для

различных торжеств. Развиваются интернациональные и межрегиональные контакты школ, приглашаются мастера для проведения мастер-классов , – процесс забурлил…

Кто оказал на вас влияние? Кого считаете своим учителем?

Ирину Гусеву называю своей каллиграфической матушкой, а Альберта Капра, у которого она училась, – дедом. Влияние оказывают, конечно, мастера прошлых поколений, но и современная молодёжь, прошедшая школу и творчески осмысливающая накопленный классиками опыт, всё чаще выдаёт крепкие работы, достойные того, чтобы уже с них брать пример. Учиться надо непрерывно, в развитии – жизнь.

Как можно научиться каллиграфии?

Когда преподаешь, ты сам себя воспитываешь очень серьёзно: права на ошибку практически нет. Учишься понимать, что надо и не надо. В письме, словно в работе с акварелью, все движения должны быть хорошо отработаны, один неверный штрих – и лист испорчен. Есть красивые работы, но плохое письмо. Мастерство писца показывает максимальная идентичность одних и тех же знаков во всём тексте. Поэтому начинать надо обязательно с постановки руки, добиться, чтобы ряд вертикальных штрихов был ровным и ритмичным, как клавиатура рояля, как струны арфы, как штакетник забора, в конце концов. Без этого умения буквы будут качаться, плясать, чем угодно заниматься, только не образовывать единый красивый текст. В школе Евгения Добровинского, например, на палочках сидят 2-3 месяца, но зато потом любой изучаемый стиль письма осваивается относительно быстро и понятно. Вообще, в каждой школе свои методы, своё основное направление. Мы у себя не можем долго держать учеников на начальных элементах, полагаемся на индивидуальное старание каждого. Наша задача – пропустить через руки практическое изменение письма от одного исторического стиля к другим. Я только не верю, что человека можно научить крепкому письму за 5-6 занятий. Всё-таки процесс привыкания к правильным ритмичным движениям гораздо более долгий, за 10 лет наблюдения за учениками уверенно могу делать такие выводы.

И главное – стремление и любовь к делу!

История каллиграфии

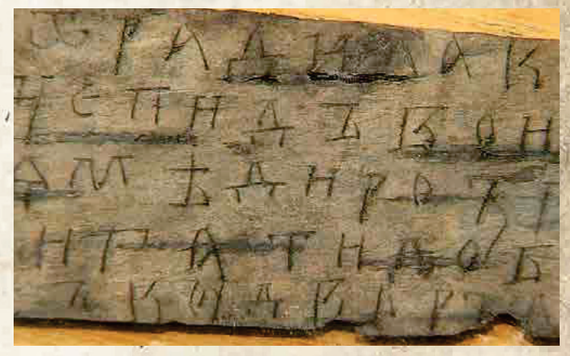
Ученые до сих пор спорят, когда появилась письменность. Одни утверждают, ссылаясь на открытия археологов, что первая протописьменность появилась аж 7 тысяч лет до нашей эры. И приводят в пример три глиняные таблички с графической письменностью «шумерского» типа, датированные серединой VI тысячелетия до н.э. Найденные на территории современной Румынии.

Время создания табличек установили косвенным методом, по радиоуглеродному анализу предметов, найденных с ними в одном слое. Позже выяснилось, что письменность Тэртерии возникла не на пустом месте, а являлась составной частью распространенной в середине VI — начале V тысячелетия до н.э. пиктографической письменности балканской культуры Винчи (дунайское протописьмо). В настоящее время известно до тысячи объектов культуры Винча, на которых процарапаны подобные пиктограммы. География находок охватывает территорию Сербии, западной Румынии и Болгарии, Венгрии, Молдавии, Македонии и Северной Греции. Несмотря на разделяющие их сотни километров, пиктограммы демонстрируют удивительное сходство на всем протяжении ареала культуры Винча.

Как бы то ни было, но история каллиграфии тесно связана с историей развития письменности. Вначале это было пиктографическое письмо— некие схематические рисунки, затем в Шумере появляется клинопись, и только потом в древнем Египте и в Китае появляется иероглифическая письменность.

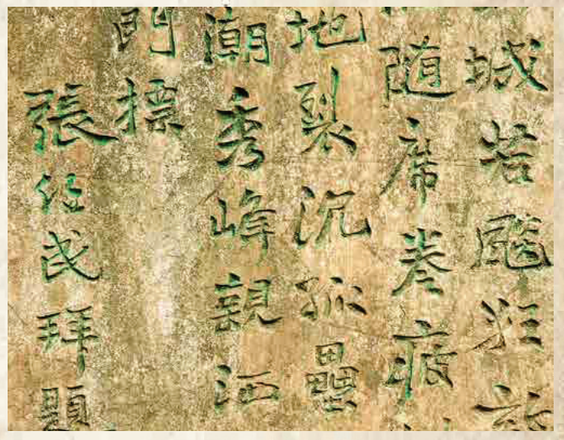
В 1962 году при раскопках неолитического поселенияЦзяху на реке Хуанхэ обнаружены надписи на панцирях черепах, напоминающие по начертанию древнейшие китайские иероглифы. А древнеегипетские иероглифы были открыты при исследованиях пирамид и других археологических находок.

Клинопись



Берестяная грамота

Египетские иероглифы на стене пирамиды



Каллиграфия в камне, Китай, 1600 г д.н.э

С появлением в Египте и Китае иероглифической письменности начинает свой отчет и каллиграфия. В отличие от клинописи, которая выполнялась определенным набором клиньев , иероглифы приходилось именно писать. Надписи использовались в основном для ритуальных целей, религиозных обрядов. Само собой разумеется, что они делались аккуратно и с тщательным соблюдением пропорций знаков. Сам термин Каллиграфия появился гораздо позже, в древней Греции.καλλιγραφία — «красивыйпочерк». Ее считают одной из отраслейизобразительного искусства. Ещё каллиграфию часто называют

искусством красивого письма. Современное определение каллиграфии звучит следующим образом: «искусство оформления знаков в экспрессивной, гармоничной и искусной манере».

Таким образом, в результате развития письменности, появлением алфавитов, сформировалась шесть видов каллиграфии:

Дальневосточная или Восточно-азиатская— к ней относятся китайская, корейская и японская письменности; грузинская и армянская каллиграфии, арабская, европейская, индийская и древнееврейская.

В Китае, а затем в Японии и Корее искусство красивого письма стало важной частью культуры, особенным жанром живописи. Уже в 1 веке н.э. Китайский художник и каллиграф Цуй Хуань написал первый труд по теоретизации искусства красивого письма. А один из стилей китайской каллиграфии «травяное письмо» лег в основу японской азбуки хирагана.

В после 1400 года в Корее появляется собственная письменность хангыль. Ее разработали ученые по приказу тогдашнего императора Сечжона Великого. Но влияние Китая в то время было столь велико, что спустя какое-то время эту письменность отменили и почти до 20-го века корейская каллиграфия была зеркалом китайской.

Арабская каллиграфия (араб. хатт или хутут) занимает особое место в исламском искусстве и первоначально возникла на базе копирования Корана. По этой причине написанное слово само по себе получило сакральный смысл. По словам Кази-Ахмеда ибн Мирмунши аль-Хуссейна (16 в.) «мистическое отношение к писанному слову создало на мусульманском Востоке из самого процесса переписки Корана акт, тесно связанный с религиозной догмой прощения грехов». Многие средневековые правители брали на себя обет сделать копию Корана, но для этого им необходимо было постичь азы каллиграфии. В IX в. багдадские халифы стали собирать обширные библиотеки и строить специальные центры (араб. «Дар аль-хикма» — дом мудрости), в которых трудились переводчики и переписчики. Благодаря этому в XIII в. в Багдаде были библиотеки в несколько десятков тысяч книг. После перехода с пергамента на бумагу большое число мастеров стало заниматься копированием Корана, переводами с греческого, пехлевийского и коптского языка книг по истории, медицине. В некоторых книгах уже содержались рисунки и географические карты. Позднее появились поэтические сборники, диваны (генеалогические своды) и другие сочинения арабских ученых и поэтов.

История письменности в Индии восходит ко времени правления первого императора Ашоки (3 в. до н. э.), который провозгласил правовые нормы, охватывающие весь уклад жизни его подданных того времени. Эти правовые нормы были записаны на камне. Вскоре появились две новые системы письменности: кхароштхи и брахми. Именно брахми и стал проотцом современного шрифта деванагари («шрифт от города Богов»). Религиозные тексты очень редко писались с помощью девангари и изначально сопровождались цветными рисунками. Индийцы писали на медных табличках, коре деревьев и пальмовых листьях, соединённых через проколы веревкой

Искусство красивого каллиграфического письма появилось на рубеже 15-16 веков с появлением мусульман. В это время возникли школы и основные требования к работе мастеров, использованным материалам, краскам и туши. В различных частях Индии появлялись свои стили. Так, например, в Бенгалии большое распространение получил стиль тугхра, на востоке Индии и в Гуджарате — стили тауки, насх и рикаа, а на юге — насталик

Пиктограммы.

Пиктограммы жрецов Дунба, народность Нинся, Китаи.

Для индийских мастеров не было особенной разницы в том, на какой поверхности выводить каллиграфии. Они писали на камне, бумаге, монетах, ткани и т.д.

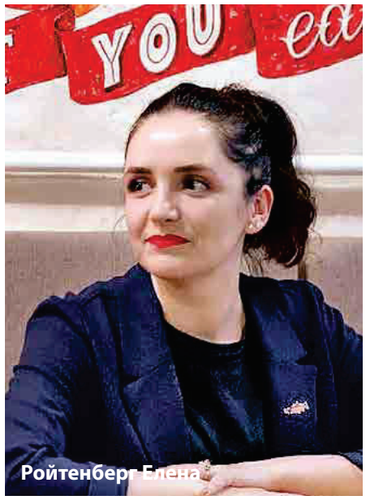
Европейская, грузинская и армянская каллиграфии появились уже в нашей эре и тоже были тесно связаны с религией. До появления технологии печати все книги были рукописными. Это требовало больших трудозатрат и усердия. В основном этим занимались священнослужители, а церковь была не только религиозным институтом, но и занималась образованием.

В наши дни каллиграфия продолжает развиваться. Те же компьютерные шрифты, на которые мы особо не обращаем внимания были разработаны с учетом тысячелетнего опыта мастеров красивого письма. Да, рукописные тексты в современном мире становятся редкостью, и это еще один из факторов чтобы бережно хранить и развивать искусство каллиграфии.

Пиктограммы Нанси, Китай.

Фестский диск найден в 1910 году на острове крит, датируется 3600 л днэ.ц

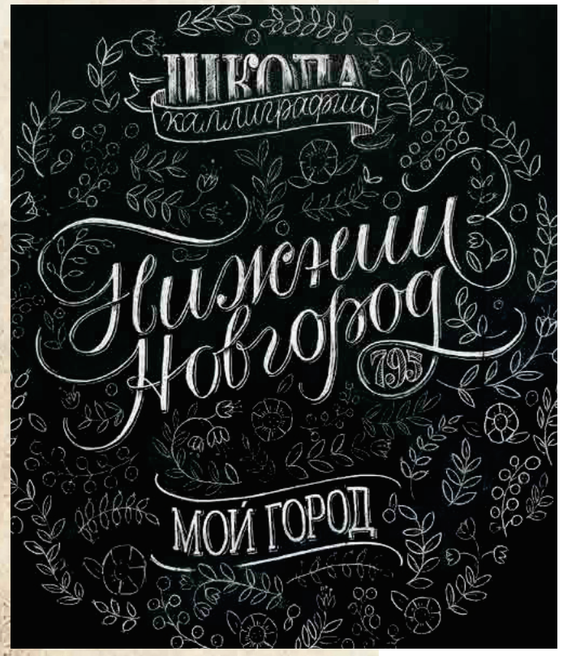
Алексеева Елена



Ройтенберг Елена

Две прекрасные Елены

Две прекрасные Елены: Алексеева и Ройтенберг рассказали о значении каллиграфии и ее месте в современном мире, поделились основными тенденциями и модными веяниями, открыли тайну математического обоснования пропорций в методике нижегородской школы, и специально для нашего журнала раскрыли секрет, как же любимое дело превратить в работу мечты.



Алексеева Елена – графический дизайнер, каллиграф, преподаватель в нижегородской школе. Занимается искусством красивого письма около 10 лет, проходила обучение у таких звезд, как Дэнис Браун, Ив Леттерн, Броди Ношвейдер. Является постоянным участником выставок в Москве и Санкт-Петербурге.

Ройтенберг Елена занимается каллиграфией 4 года, прошла путь от ученицы до преподавателя школы Елены Алексеевой. Является основателем проекта по меловому леттерингу и сайн пейнтингу в Нижнем Новгороде.

Как вы пришли к занятиям каллиграфией?

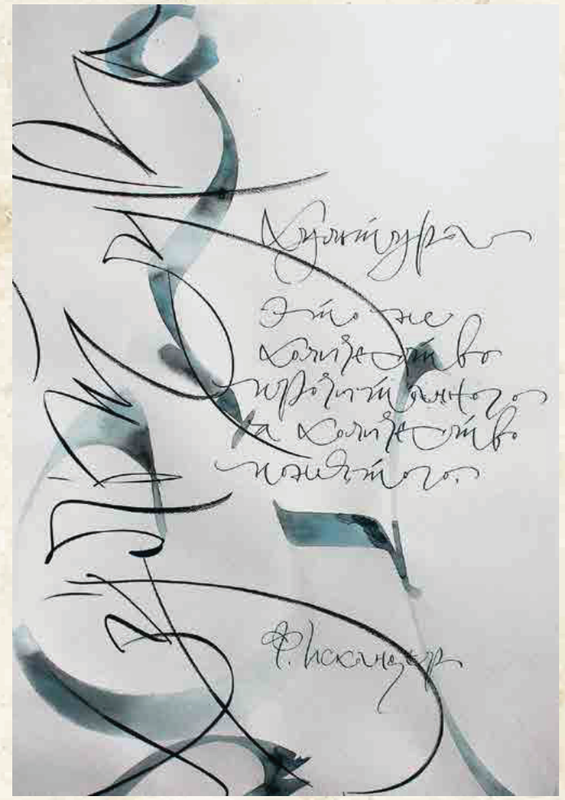
АЕ: В 2009 году я оказалась в Высшей школе дизайна на курсах у Евгения Максовича Добровинского на презентации его школы, в которой несколько лет занимались первые ученики: Юлия Харина, Света Городниченко и др. Это было необычно и привлекательно для того времени: я увидела тренд, некую силу, магию. Захотелось быть к этому причастной, делать так же, применять эту красоту в дизайне. Приехав домой, я начала заниматься по книге И.Т. Богдеско в свободное от работы время – ночами, в темноте, когда у меня были маленькие дети.

В течение пяти лет прошла путь самоучки, огибая препятствия, преодолевая трудности. Сложно без мастера понять, что это не ты бездарен, а просто перо по бумаге

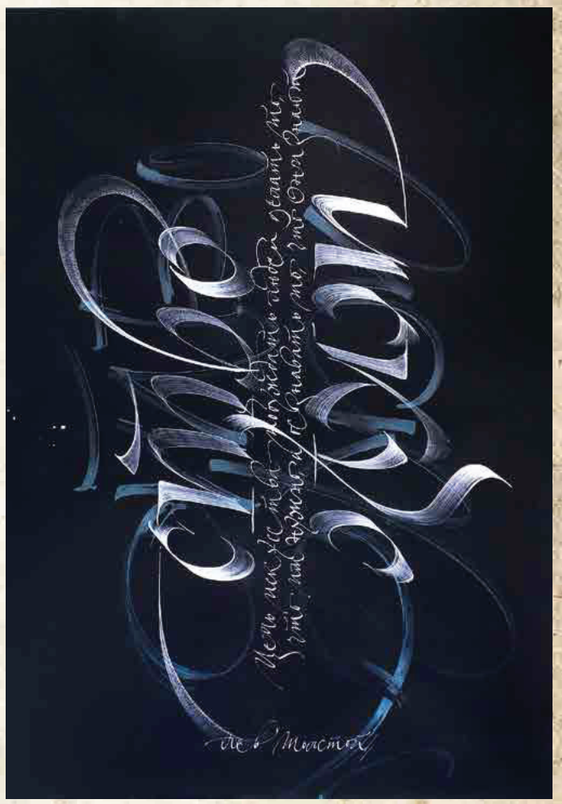
Алексеева Е.
«Единство противоположностей».
Акрил, тушь. 65х140 см. 2017 г.

царапает, и следует его поменять, – некому об этом сказать, все додумываешь сам. Причем в то время информации в интернете было меньше, чем сейчас. В качестве хобби, каллиграфия для меня закончилась в 2015 году. К тому времени я руководила собственной дизайн-студией, но наступил кризис: мне показалось, что занимаюсь не своим делом, создаю рекламный спам, который люди выбрасывают в мусорку. Тем более, когда я уже вкусила «запретный плод» искусства каллиграфии, хотелось продолжать. Дойдя до конца в сомнениях, я разложила карту собственных возможностей на столе, посмотрела, что люблю, что могу, и среди прочих положений оказалось искусство красивого письма. Когда подумала, что же из этого мне приносит большее удовлетворение, поняла – каллиграфия: в ней я реализую творческие, дизайнерские возможности, и даже самовыражаюсь, как художник. Я хотела продолжать обучение, но в Нижнем Новгороде не было такой возможности. Я подумала, что неплохо бы создать школу, приглашать педагогов, у которых можно будет учиться и развивать поток каллиграфов в своем городе. Для этого съездила

Алексеева Е.
«Взаимопонимание. Читай между строк».
Холст, акрил, тушь. 2 м х 1,8 м. 2018 г.



Алексеева Е.
«Культура — это не количество прочитанного, а количество понятого» Ф. Искандер.
Тушь, бумага, гуашь. 2017 г.



Алексеева Е.
«Цель искусства — побуждать делать людей то, что им нужно. И осознавать то, что они знают. Л. Толстой.
Тушь, бумага, гуашь. 2017 г.

в Санкт-Петербург, отучилась на курсах Сабины Алияровой и Марии Скопиной по английскому курсиву, стала понимать, в чем заключается педагогический метод. Когда вернулась, неожиданно поступило предложение от знакомого преподавать в детской школе, я, конечно, согласилась, а потом мы создали подобную программу для взрослых.

Школа была преподнесена так: я – не педагог, а такой же ученик, который постигает мир каллиграфии вместе с группой. Одной из высших ступеней обучения себя является обучение других. Руководствуясь этим правилом, мы старались делать рефераты на исторические темы, вместе анализировали работы друг друга. И сразу стали приглашать хороших каллиграфов – нам никто не отказывал. Так и состоялся мой путь в каллиграфии через методику преподавания, когда из самоучки я превратилась в учителя в своей же школе.

PE: Интерес к буквам у меня проявился еще в школе, тогда я могла часами изучать логотипы музыкальных групп, перерисовывать их и пробовать писать свои слова, используя принципы построения букв в исходных надписях. Но осознанно я попала в каллиграфию, когда пришла учиться на курс к Елене Алексеевой. Спустя пару занятий я начала переживать, что через несколько месяцев курс закончится, и мне незачем будет посещать школу. Поэтому я быстро откликнулась на Ленино предложение помогать проводить мастер-классы и участвовать в жизни школы. Через год я начала вести самостоятельные занятия с детьми, а позже и с взрослыми учениками. В настоящее время я занимаюсь со всеми новичками, которые приходят в школу.

А что для вас значит каллиграфия?

AE: Сегодня каллиграфия для меня это буквенный язык, который может многое рассказать зрителю. Он очень эмоционален, близок, для меня, к графике и живописи, способен отражать своё время, на нем можно говорить об актуальном. Это и хобби, и работа, и развлечение, – это образ жизни. Я рада, что мечта сбывается.

Удивляюсь, как быстро все меняется. Недавно мне была важна каллиграфия в виде техники, умения написать букву, создать небанально выносные элементы. Сейчас могу простить автору погрешности в технике, главное – эмоции, образ, создающийся в совокупности на полотне. И это важнее, чем качество его составляющих, хотя и техника, безусловно, необходима. Опыт позволяет отличить намеренную погрешность и неопытность новичка.

PE: Я думаю, что нахожусь лишь в начале пути. Каллиграфия – это то, что я открываю каждый день. До сих пор восторг узнавания меня не покидает, хотя наработан определенный опыт, я планирую открывать мир букв и дальше.

Что вы думаете о Современном музее каллиграфии?

AE: Здорово, что у нас в стране есть такой международный музей. Сейчас каллиграфия потихоньку выделяется в отдельную самостоятельную область. Широкий круг людей активно интересуется данным искусством, многие пробуют и уже могут оценивать работы мастеров, начала формироваться аудитория ценителей. И то, что появился Современный музей каллиграфии – это своевременно и необходимо, особенно, если учесть, что он единственный в России. Меня поражает его коллекция: можно посмотреть работы россиян, мастеров из ближнего зарубежья и других стран. Это необходимая зона коммуникации профессионалов и новичков, популяризирующая данный вид искусства. Мне бы очень хотелось, чтобы на этой территории авторы делились ресурсами, общались, происходил культурный обмен.

PE: Я была вместе с Еленой однажды в музее, считаю, что он выполняет очень важную функцию – даёт возможность людям получить общее представление каллиграфии разных стран и эпох. Я рада, что в выставочном пространстве происходят встречи с мастерами и мастодонтами искусства красивого письма не только России, но и международного уровня.

Как вам стало интересно искусство?

PE: У меня техническое образование, я училась в физико-математической школе и до 8 класса была уверена, что стану программистом. Несмотря на это, я всегда очень любила музыку, живопись и театр. С детства, с удовольствием посещала художественные музеи, изучала каталоги выставок и альбомы репродукций из домашней библиотеки. Ходила в музыкальную и художественную школы, но именно каллиграфия помогла раскрыть в себе творческие способности. В 9 классе я была очень вдохновлена профессией дизайнер, поэтому решила поступать в технический университет на специальность «Ком-

пьютерная графика». Мне казалось это удачным совмещением программирования и дизайна.

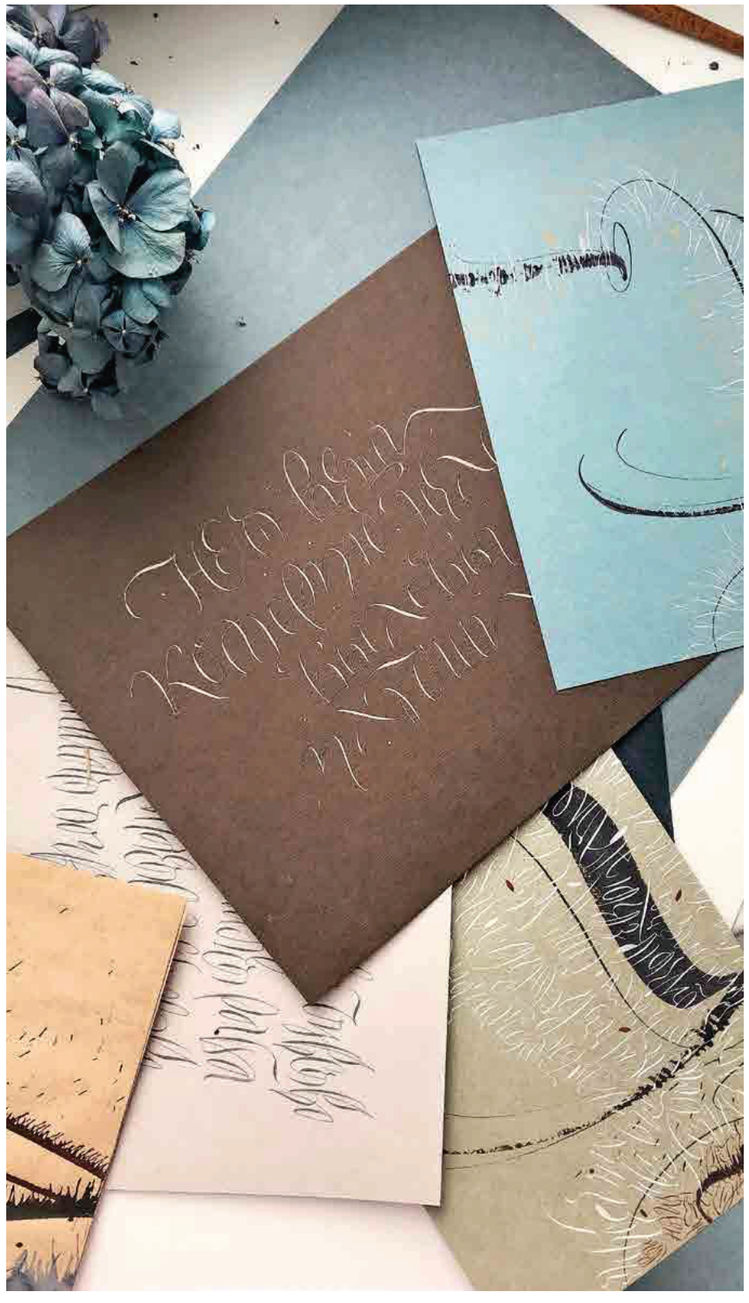
АЕ: У Лены в голове логарифмическая линейка. Когда она была моей ученицей в самой первой группе, с этой внутренней линейкой все рассчитывала, сверяла с размером клеточки, помогла создать методику с математическим построением буквы в качестве основы. С тех пор Лена так и преподает новичкам, а я подхватываю продолжающих. Заблуждение считать, что если у вас не художественное образование, вы не сможете научиться каллиграфии. На базовом уровне техника лучше дается тем, кто умеет анализировать.

РЕ: Математика мне очень помогает, но я не считаю себя человеком с математическим складом ума. Я совершаю много нелогичных поступков.

А какая мечта была в творческом плане в самом начале пути?

РЕ: Не помню. Был лютый интерес и жажда знаний, казалось, освою информацию, пойму, что же буду делать дальше.

АЕ: Мне кажется, любому человеку необходимо творчество: не редкость, когда вся работа состоит из решения рутинных или технических задач, тогда потребность творить удовлетворяется через хобби, соразмерное спобностям. Каллиграфия не требует обязательного художественного образования – и это достаточно



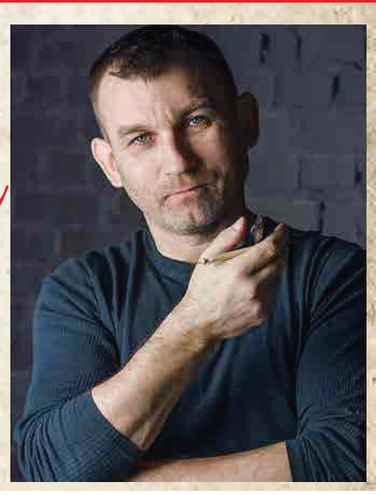
широкий путь для всех. По крайней мере, на базовом уровне владения техникой.

РЕ: Я думаю, что каллиграфия очень благодарный вид деятельности, она обязательно отзовется на вашу страсть и подарит счастье.

АЕ: Тем, кто ни разу не пробовал заниматься искусством красивого письма, говорю: «Попробуйте!». Каллиграфический талант явно не виден, вы можете носить его всю жизнь и не знать об этом. Обязательно попробуйте, и возможно, вы попадете в волшебный мир, в котором захочется остаться на всю жизнь.

Продолжение следует.

Мир искусства красивого письма



О творческом пути рассказал мастер из Санкт-Петербурга Александр Веденьевич Боярский, участник VI Международной выставки каллиграфии в Москве. Он владеет различными стилями и техниками письма и активно делится знаниями в своем авторском образовательном проекте (Школа красивого письма).

АлександрВеденьевич, как можно научиться понимать и любить каллиграфию?

Думаю, понимать каллиграфию на уровне «нравится – не нравится» может каждый человек. Однако,чтобы проникнуть в мир искусства красивого письма, необходимоузнать какие-то исторические шрифты, материалы, может быть, позаниматься, чтобы понять, как пишут кистью, острыми или плоским перьями. Потом, есть шрифты попроще, а есть посложнее. Углубляясь в тему каллиграфии, постепенно выходишь на уровень, когда уже интересно начинать импровизировать.

Недавно я написал этюд и один человек спросил: «Александр, это италик?». А я смотрю и вижу: первая буква у меня из итальянского курсива, слегка импровизированная, вторая очень похожа на полууставную «А», буква «Р» откуда-то из английского, следующая из унциала, – и всё это завязано на италике.

Получилась такое смешение шрифтов, но всё смотрится гармонично, композиционнообоснованно и цельно.

А вы отслеживаете изменения, которые происходят с собственными работами? В чем они заключаются?

Иногда пересматриваю работы, которые делал несколько лет назад. Думаю, как бы сейчас решил тот или иной этюд. Есть работы,которые нравятся до сих пор, какие-то, переделал бы, решил иначе. Этюды и тексты, которые я пишу сейчас, технически стали глубже, диапазон шрифтов всегда расширяется, а каждый новый почерк, довольно сильно влияет на остальные шрифты. Много времени и тренировок я уделяю поиску новых форм букв, ищу какие-то неожиданные решения. Этоперспективное направление. Ребята, которые только приходят в каллиграфию, часто идут по пути «мгновенной творческой самореализации». Я понимаю, сейчас такое время, надо все быстро и сразу, но думаю, что по-настоящему красивая каллиграфия должна основываться на серьезной базе.

Сейчас в интернете очень много образцов неумелой, невежественной каллиграфии и леттеринга. Бытует мнение, что исторические шрифты устарели и малоинтересны. Однако даже в компьютерах мы видим, огромное количество шрифтов сделанных на основе исторических форм. Даже тот шрифт, которым написано это интервью.

С крыльями за спиной

Виктор Анатольевич Новиков занимается иллюстрацией, иконописью и каллиграфией, ведет курсы красивого письма в Городском центре созидательного досуга при Русском Дворце Интересов в Сергиевом Посаде. Художник поделился историей творческого становления, рассказал о связи каллиграфии с другими видами искусства, сообщил занимательные сведенья о выставке «Буквально» и дал несколько советов новичкам.

Виктор Анатольевич, расскажите немного о себе. В начале творческого пути вы участвовали в Лиге Акварелистов Крыма, работали в академическом направлении или стремились к экспериментам?

Да, был такой опыт. Нужно понимать, что в Лиге собрались не академики, а свободные художники на основе общих интересов. Мы сделали одну выставку, вторую, а потом решили официально оформить нашу деятельность.

Я с детства увлекался рисованием, окончил Дизайн-Лицей при Центре Технического творчества в Севастополе, поступил в Харьковскую Государственную Академию Дизайна и Искусств. Получил классическое образование, но так как я учился на отделении графики, то там всегда присутствовала условность. В процессе обучения было много путей развития и каждый инструмент, попадавший в руки, формировал мой стиль.

Затем я обучался в Иконописной школе при МДА. А в 2015 году был принят в Союз Художников России.

А как же от графики вы перешли к иконописи?

Это судьба. Я тоже иногда задаюсь вопросом: «Почему так сложилось?». Будущая жена рассказала о школе, я призадумался, действительно, иконописная традиция – интересный стиль, да и личные впечатления наложились. И так почему-то я оказался здесь.

А как от иконы вы отошли к каллиграфии?

Я никуда не отхожу, лишь только прибавляю. До сих пор занимаюсь и графикой, и иконописью, и акварелью. Все зависит от настроения. Каллиграфия со мной постоянно, поскольку я преподаю ее на курсах. Сейчас готовится персональная выставка из разных работ.

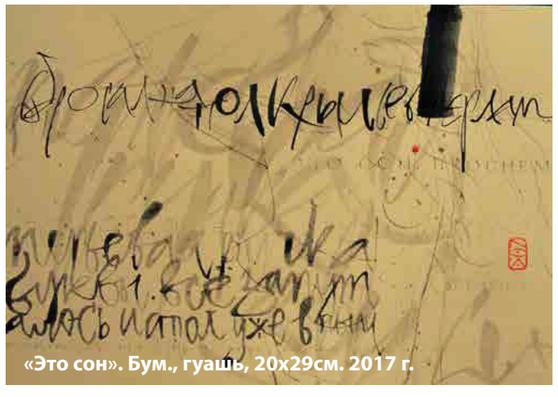
А откуда возник интерес к искусству красивого письма?

Главную роль сыграло некое очарование буквы, посеянное еще в институте. Однажды узнал, что протоиерей Павел Великанов предлагает вести курсы искусства красивого письма. Когда услышал слово «каллиграфия», во мне что-то проснулось, родство души почувствовал. Теперь я выбираю под настроение, чем заняться: акварелью, темперой или каллиграфией. Это сложнее, поскольку следует быть ответственным, везде развиваться необходимо, но я стараюсь.

А что для вас каллиграфия?

Это одно из проявлений того, как композиция может представить себя. Вынужден повториться: у меня, как у художника, есть внутреннее желание что-то сделать. В самом начале не возникает картинка, только стремление, а что из этого будет, не знаю. Постепенно оформляется: образ, миниатюра, работа, соответствующая событию. И иногда это бывает каллиграфия.

Я изучаю ее с точки зрения того, как можно работать с построением картины. Этим уже замучил учеников: не хочу, чтобы они просто красиво писали, нужно,



«Это сон». Бум., гуашь, 20х29см. 2017 г.

Основы никто не отменял, в качестве иллюстрации сказанного приведу фразу прекрасного мастера каллиграфии Виллу Карловича Тоотса: «Крайность далеко не означает прогрессивность, хотя и производит такое впечатление».

У вас есть любимые шрифты?

Есть шрифты, которыми я работаю в настоящий момент. Допустим, один день я пишу этюды одним шрифтом, другой день – другим. Недавно проводил онлайн-тренировку под названием «Итальянский курсив в готическом стиле». Это синтез двух шрифтов: «Итальянский курсив» появился в XV веке на основе почерков каллиграфов Ватикана, а «Фрактура» формировалась с XV по XVII век. И как показала практика, оба эти шрифта отлично дополняют друг друга. А уже сегодня весь день я тренирую американский курсив «Спенсериан». Я за многообразие техник и шрифтов. Не понимаю, как можно работать только острым пером и игнорировать плоские инструменты, или наоборот.

Вы продумываете работы или творите спонтанно?

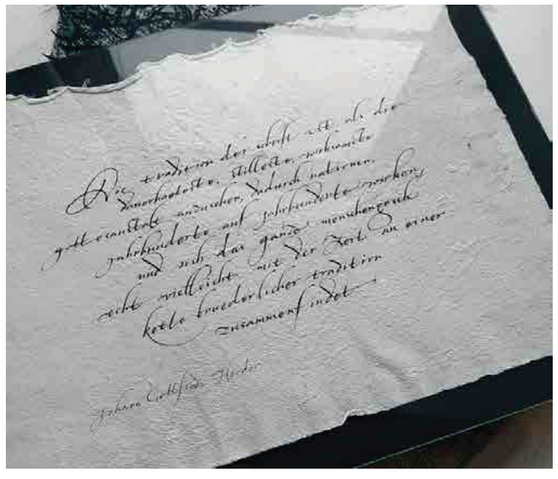
Зависит от поставленной задачи. Есть каллиграфия, например, коммерческая, где существуют определенные правила: читабельность, определенный шрифт и прочее. И творческая каллиграфия, которая таких рамок не имеет. Человек пишет, как думает, как чувствует, какие эмоции переживает в конкретный момент. Иногда работы продумываются заранее, анализируется композиция, тщательно выбирается шрифт, инструмент, материал. Часто работа может писаться не один месяц. А бывает так, что за один вечер можно написать несколько этюдов, совершенно спонтанно, легко, используя самые смелые и необычные решения.

Кто и зачем приходит заниматься каллиграфией?

Я преподаю довольно давно. Часто спрашиваю: «Зачем вам нужна каллиграфия?». Многие говорят для себя, для души, но чаще обращаются ребята, имеющие отношение к дизайну, свадебной каллиграфии, леттерингу, и практикующие каллиграфы, для повышениясвоего уровня.

Над чем вы сейчас работаете, есть ли какие-то проекты?

Проекты всегда есть, не бывает так, закончил что-то и ничего не делаешь. Иногда пишешь, пишешь и не можешь остановиться, как будто поток какой-то идет, должен все успеть зафиксировать. А бывают проекты затяжные, когда, что-то сделал и отложил работу. Бывают дни, когда сформулированных идей нет. Но и в этой ситуации есть большие плюсы: можно тренироваться, копировать уникальные образцы,что позволяет перенимать опыт великих каллиграфов, когда через каждый изгиб буквы чувствуешь и даже видишь движение пера мастера, это приносит колоссальную пользу.



чтобы было интересно с разных точек зрения: какие инструменты использовать, цвета применить, как разместить и т.д. Мне самому это все очень нравится.

А что вы получаете от занятий?

Необычайное удовольствие и просветление. К тому же одно из направлений моего творчества – преподавание. После занятий я прихожу, словно с крыльями за спиной.

А кто стал для вас учителем каллиграфии? Чьим работам подражали в начале пути?

Это Ив Летерм. Он приезжал, давал интенсив, но я узнал об этом только после. Он необычно подходит к работе: для него каллиграфия – не просто буквы на белом фоне. Ив Летерм – ученик известного Броди Нойншвандера, создателя перформанса «Черно-белая тишина».

Как вы думаете, опираясь на собственный опыт изучения и преподавания, с чего стоит начинать занятия?

Я немного зубы поломал на преподавании и пришел к выводу, что нужно просто дать в руки человеку круглую кисточку, дабы попробовать что-то пописать. Если ученик поймет, что в букве есть красота, дальше все получится. Хотя исторически ширококонечный инструмент был первым, кисточка привычнее для руки. Новичок смотрит на острое перо и не знает, что делать, а кисть ему знакома. Радость от работы дает толчок к дальнейшему развитию, если не получается, то и развиваться дальше многим не хочется. Систематические уроки и повторения важны, но многие могут просто не дождаться успеха, так что позитивное подкрепление необходимо новичкам.

В работах вы часто используете тушь, ширококонечное перо и кисточку. Чем обусловлен данный выбор?

Я люблю сочетать данные основные инструменты, поскольку каждый имеет уникальные выразительные средства. Люблю экспериментировать, например, сейчас часто применяю строительный шпатель. Вообще художники часто берут странные инструменты, они часто захаживают то в аптеку, то в строительный магазин за материалами, которыми будут в дальнейшем что-то изображать.

А как вы можете охарактеризовать свой стиль?

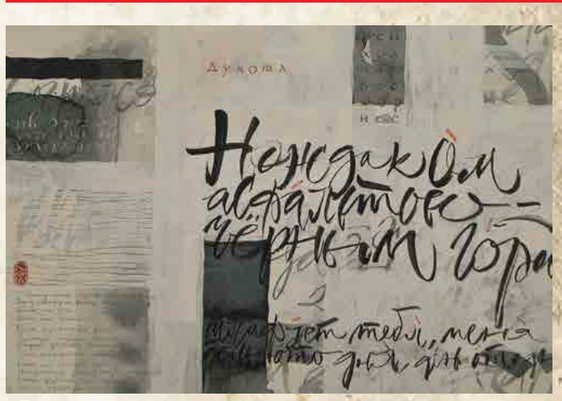
Это самый каверзный вопрос. Мне недавно один человек помог, сказав, что это больше экспрессионизм. Я не реалист, не пишу с натуры, а выражаю и фиксирую внутренние переживания, чем больше инструментов этому служит, тем лучше.

Что послужило вдохновением для серии ««ASKME»? Такой интересный контраст эмоционально написанной буквы и канонично исполненного текста.

Идея заключается в попытке перенять экспрессивный японский подход к написанию. Хотя не использовал круглую кисть, а применял плоскую широкую, движения я старался сделать по-японски и совместить с обновленным европейским письмом. Таким образом, в работе хотелось примирить Восток и Запад.

Алексей Юрьевич Шабуров и Виктор Анатольевич Новиков

«Возможность».
Бум., гуашь, акрил 25х38 см. 2017 г.



«Духота».
Бум., тушь, акрил, 28х38 см. 2019 г.

В некоторых ваших работах встречается необычное слитное и раздельное написание слов, неожиданные переносы. С чем это связано?

В каллиграфии это не главное. Я же художник, от слова свободный. И потом, если посмотреть старые книги, которые писались вручную, в них ради экономии места не существовало переносов, доводили строку до самого конца.

А откуда вы берете тексты? Это ваши лирические произведения?

Да, часто это мои стихи. Дело в том, что так проще: они всегда под рукой, иногда в процессе рождаются.

У вас есть любимая буква?

Из латинских «g» очень *красивая*, а из русских хочется полюбить «ж».

А у вас есть любимые произведения собственного авторства?

Да. Когда мы только развешивали работы, сын Коля подошел к ней и сказал, что это *лучшая*. Называется «Возможность», она состоит из фрагментов стихотворений, уютная, но с элементом авангарда.

Над каким проектом сейчас работаете?

Готовлюсь к персональной выставке. Там будут кроме живописи масштабные каллиграфические работы.

Еще хочу в следующем году сделать выставку вроде «Буквально». Такие выставки необходимо проводить, это очень хороший стимул. Я удивился, что ученики готовят специально для выставки картины, поскольку видел старые достойные работы. Но все вдохновились делать новые, серьезные. Так что это придает мотивации и способствует большому росту.

А как определяете, какие работы примут участие на выставке?

Это сложно. У меня обычно пачка лежит, я вытаскиваю и слушаю внутреннее ощущение, отбираю то, что резонирует. Я бы мог на выставке «Буквально» больше своих работ показать, но зачем? Была бы персональная выставка, а у нас цель была другая.

Какие трудности возникают в процессе подготовки?

Технические: сделать рекламу, этикетки и т. д. Нужно все продумать, стол подготовить и др. С работами намного проще: нарисовать и оформить легко.

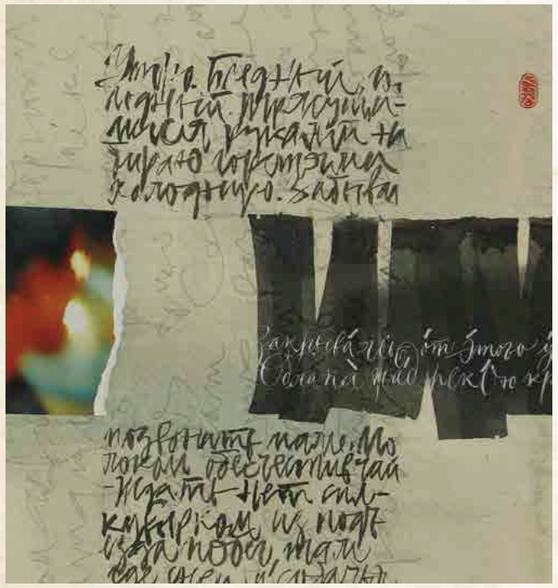
Как вы думаете, стоит ли выделять каллиграфию в отдельный вид искусства? И почему?

И да, и нет. Нужно прислушиваться к пожеланию самого автора. Сперва идет этап обучения, затем человек уже пишет хорошо, может достигнуть планки, что все ахнут. Однако если он дальше не будет развиваться как художник, работать над композицией, то он остановится в развитии.

Живопись и каллиграфия – не одно и то же. Ко мне приходил живописец, но у него ничего не удавалось. Нужна легкость в руке, иначе не получится. Для меня графика не причисляется к живописи, у творцов разное мышление. А чтобы быть каллиграфом, нужно чувствовать, как линия может закончиться. В масляной живописи мазок – что-то неопределенное, а вот в графике и каллиграфии важно понимать, как заканчиваешь линию. И японцы это очень хорошо ощущают, они доводят все до конца, что-то в знаки вкладывают. Важна внутренняя эстетика, перфекционизм, иначе никакого чуда не случится.

То есть каллиграфом без художественного образования стать невозможно?

Возможно! Как и художником без соответствующего образования. Если человек возьмет кисть в руки, словно Ван Гог, захочет уйти в мир живописи, то сможет. Любой может достичь многого, нужно для этого анализировать работы мастеров и трудиться. Но первостепенное: научиться анализировать, образование может быть несистематическим, но какой-то толчок нужен.



«После».
Бум., тушь., аппликация, 22х20 см. 2019 г.

«Встретил».
Бум., тушь, акрил. 100х100 см, 2018 г.

Где можно изучать каллиграфию?

Самое элементарное – в Интернете. Потом пойти в Современный музей каллиграфии, посмотреть на картины, запомнить фамилии. Если человек не ставит себе планку выше, чем написать идеальную работу, причем идеальную в значении грамотно написанной и скомпонованной, этого достаточно. Это уровень уже не первого, а второго класса. Третий же, когда человек думает, сомневается в конечной точке, ищет сочетание инструментов и компонентов. Каллиграфия – это ведь практически живопись: можно цветовые сочетания создавать, композиционные находки открывать. Именно тогда начинается искусство. Если человек так подходит, то каллиграфию стоит выделить в отдельное искусство для него, а если он не стремится развиваться, то это становится ремеслом или «правильной» печатью.

А какими качествами должен обладать каллиграф?

Он должен быть хорошим человеком. К сожалению, мы должны констатировать факт, что гений человека много с чем совместим. Есть талантливые мастера, которые несчастливы и поддаются страстям, выпивают и т. д. А ведь не было бы этого, вдруг, самого бы и гения не было? То ли я не гений, то ли я в себе чего-то еще не понял, а злодей где-то все же есть... Но для каллиграфии достаточно быть хорошим.

Какое будущее ожидает искусство красивого письма?

Я надеюсь, что каллиграфия займет свое место, будет появляться в школах, институтах. У художников в ВУЗе дается что-то подобное в курсе шрифта, но непродолжительное количество времени. А я надеюсь, что это выльется в отдельную область, которая помогает развиваться гармоничному человеку.

Чему детей научит каллиграфия?

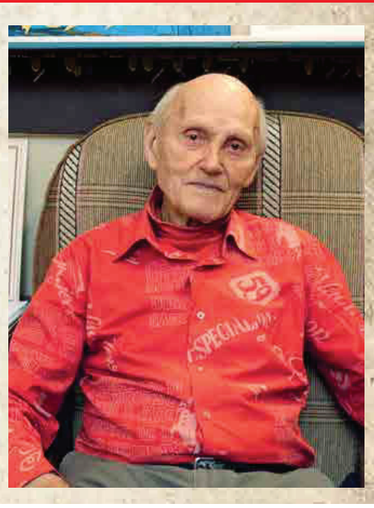
Она дает эстетическое воспитание, через которое ребенок понимает, что с буквой нельзя пренебрежительно обходиться, нужно оберегать письменность, всю культуру, а значит и к человеку следует относиться с уважением. Если математик, будет заниматься и точными дисциплинами, и спортом, и музыкой, и каллиграфией, – это ему не помешает. Все должно быть в комплексе. Я не хочу сказать, что необходимо развивать только лишь искусство красивого письма, нужно развивать все. Например, во дворах, один ребенок с мячом бегает, другой книжку читает, третий по канату лазает, а четвертый каллиграфией занимается, как в Японии.

Какие современные тенденции улавливаете в каллиграфии?

Когда каллиграф пишет иероглиф, он считает, что может его изменить. Мы тоже должны понять, что можем, узнав по каким законам строится буква, изменять и трансформировать их, создавая новое. Я стараюсь двигаться в этом направлении. Для китайцев и японцев каллиграфия – это и есть изобразительное искусство, а для нас, для европейского менталитета, буквы незыблемы. Нужен поиск нового решения, есть упражнение, суть которого заключается в написании некой буквы несколько десятков раз. Вначале идут известные варианты, а затем начинается фантазия. И это здорово! Я надеюсь, что каллиграфия будет двигаться к этой творческой свободе, мы станем все, в хорошем смысле, японцами.

Так что нужно идти вперед и искать что-то новое!

Живая легенда



Выдающийся русский мастер исламской каллиграфии Владимир Александрович Попов дал интервью в уютной мастерской-квартире для нашего журнала.

Владимир Александрович, вы — живая легенда. Расскажите немного о себе.

Я родился в 1924 году, был разведчиком артиллерии во время Великой Отечественной войны, принимал участие во взятии Берлина. Отмечен 15-ю наградами: двумя орденами Отечественной войны II степени, медалью «За боевые заслуги», орденом Красной звезды и др.

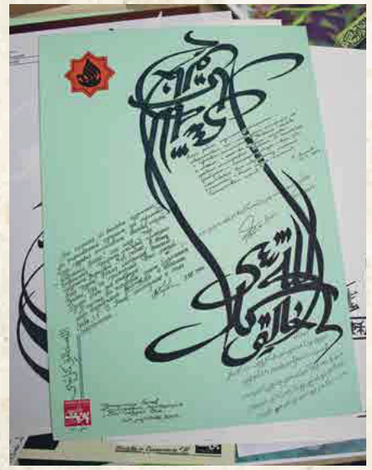
После войны окончил Казанское художественное училище, принимал участие во всероссийских, республиканских и всесоюзных выставках. Но в семьдесят лет у меня изменилась жизнь: я открыл мир каллиграфии.

Расскажу один случай. Когда в девяностые был в Москве, решил, как начинающий каллиграф, зайти в Музей Востока, посмотреть для учебы на то, как тугры делались. Не поверите, обошел всю экспозицию, но ни одной не увидел. Оказывается, об этом виде каллиграфии забыл восточный мир. А я пытаюсь о нем напомнить.

У нас в Татарстане Наджип Наккаш начал восстанавливать тугры. Он работает в традиционной форме, как делали мастера столетиями раньше. Я даже обращался к нему за уроками.

В 2000 году мне повезло, были проведены персональные выставки в Музее Востока (под кураторством Т. Метакса) и в Египетском культурном центре «Нур ислама» (куратор Дж.-С. Маркус). Обычно в Москве предлагают залы на 13 дней, а мои работы провисели 44 дня, был большой поток посетителей. А потом правительство Тегерана позвали в декабре того же года поучаствовать в VIII Международном фестивале Корана и каллиграфии. Среди приглашенных были представители из 17 стран, а местных участников было свыше тысячи.

Я был безмерно рад, что меня, еще пока неизвестного каллиграфа, пригласили с работами в огромный комплекс. До этого я точно не знал, что же делаю. Только там понял: не надо ни на кого смотреть, следует делать, как вздумается. Неожиданно получил второе место, а первое занял участник из Малайзии. Он мне даже написал на память: «Как приятно встретить брата, приверженца одной религии, который уважая ее, развивает искусство дальше». И так с 2000 года я раскрепостился, стал позволять творческие эксперименты. Важен культурный обмен, невозможно жить в своем болотце, нужно увидеть мир в его многообразии.



Я выставлял копии своих работ в фойе Совета муфтиев России, участвовал во второй межконфессиональной выставке «С верой, надеждой, любовью». Все произведения пронизаны призывом к миру, любви, гармонии. Для меня важно показать значимость этих категорий, донести их до людей.

В 2003 году меня признали народным художником и заслуженным деятелем искусства Татарстана и РФ. Спустя три года я участвовал в выставочном турне в крупнейших городах Сирии, Египта, Ливана. Я должен был отправиться в Китай, Лаос, Южную и Северную Корею, Монголию и затем обратно в Россию со своей выставкой, но к несчастью, здоровье не позволило. Однако сейчас я полон сил и хочу творить.

Для меня очень почетно, что мои работы есть в Музее Востока в Москве, в Российском центре науки и культуры в Каире, в музее-заповеднике Великого Булгара, в музеях Татарстана, и даже в коллекции С. М. Хатами, экс-президента Ирана.

А почему именно каллиграфия привлекла ваше внимание?

Сам не знаю, почему начал заниматься. До 70 лет во всем перепробовал свои силы: и в живописи, и в темпере, и в акварели. Писал портреты, пейзажи, станковую живопись всех видов, создавал офорт, ксилографии и т. д. Я все виды искусства перебрал, не дошел только до скульптуры. А на каллиграфию что-то отозвалось в душе.

Арабский алфавит — это уникальный алфавит в мире. Взять, к примеру, немецкий: там классический шрифт и готика. А в арабском — более 20 шрифтов: куфи, сульс, насх и др. Каждая буква в слове в зависимости от ее положения пишется по-разному, такая эквилибристика.

Это традиционное письмо. С 5 лет мальчиков обычно начинали воспитывать учителя, с розгами и наказаниями они заставляли выписывать буквы по канону, по квадратикам, словно создавали робота. Каллиграф не мог отходить от канонов.

Я верю, что художник должен экспериментировать. Что такое Аллах? Мне кажется, абстрактная величина. Эмблемы Аллаха и Мухаммеда художники повторяют полторы тысячи лет, не меняя. А у меня они в разных стилях написаны. Я к шариату отношения не имею, меня не за что наказывать, я – вольный художник, так представляю.

Однажды мой менеджер увидел на международной книжной ярмарке в Москве альбом с исламской каллиграфией. Когда узнал, что в нем имя Мухаммеда написано необычным образом, я удивился, попросил купить и привезти. Дома посмотрел, оказалось, в этой книге моя работа была!

К религии никакого отношения не имею, хоть официально меня признали братом ислама. Как раз в 2000 году, когда я познакомился с Рашидом Батом, он вместе с шейхом из Туниса подписали такой документ. У нас была выставка в сентябре этого года, мы с Батом встретились спустя восемнадцать лет. На самом деле, там запутанная история.

Моя ученица Гульназ Исмагилова участвовала в выставке в Алжире, Рашид Бат обратил на нее внимание и все 10 дней, пока была выставка, давал ей мастер-классы днем. Потом они обменялись контактами. Я был у нее в гостях, смотрел фотографии из Алжира и увидел знакомое лицо, того самого Бата из Пакистана! Она ему об этом написала, каллиграф был очень удивлен, что из всех участников мероприятия заприметил именно мою ученицу. И так мы стали поддерживать контакт. А в сентябре в мечети Кул Шариф пригласили иностранных каллиграфов, среди них были представители из Саудовской Аравии, Пакистана, позвали, конечно, и Рашида. Так мы с ним встретились спустя столько лет!

Что для вас каллиграфия?

Я воспринимаю именно исламскую каллиграфию. Пока использую только семь шрифтов, но и эти изменяю, свои выдумываю. Еще на выставке в Тегеране ко мне подходили убеленные сединой в черных чалмах старцы, удивлялись работам: я написал имя Аллаха спиралью, а ведь такого формата не существовало. Это словно некая духовная воронка, в которую ты попадаешь, вращаясь по спирали.

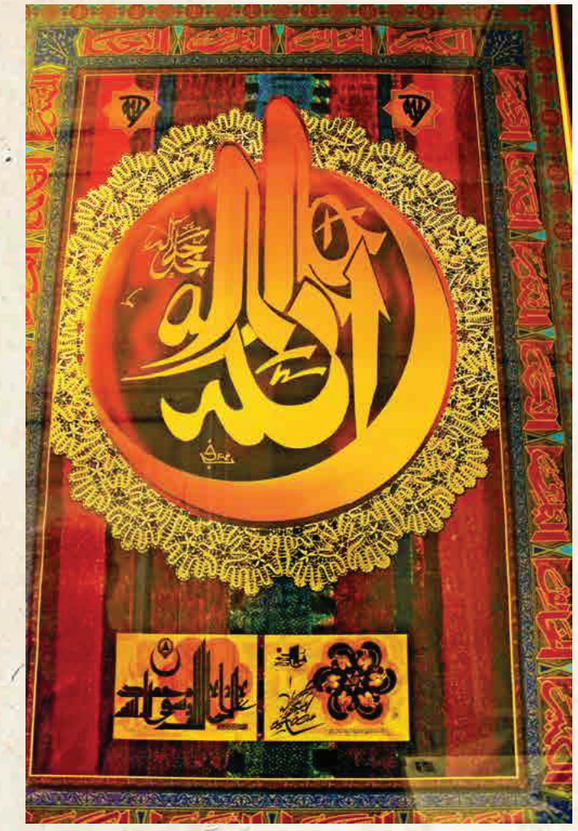
Кого вы считаете своим учителем?

Как я говорил раньше, многому удалось научиться у чудесного каллиграфа Наджипа Наккаша. Он еще исламовед, переводчик древнебулгарской литературы, профессиональный филолог, тонко чувствует красоту слова. Когда я начал заниматься каллиграфией, меня консультировала доктор философских наук, исламовед Гульнара Балтанова.

К сожалению, до сих пор не читаю и не говорю на арабском языке. Пользуюсь готовыми текстами, сложно уже учить, я ведь был контужен.

А кого вы считаете своими ученицами?

Конечно, Розу Хузину и Гульназ Исмагилову. У них получаются очень талантливые самобытные работы, я горжусь ими. Особенную радость испы-



тал, когда ученицы были приняты без моей поддержки для участия в Международной выставке каллиграфии, получили шанс оставить работы в Современном музее каллиграфии в Москве.

Что дает каллиграфия миру?

Восточный алфавит позволяет через каллиграфию выражать свои чувства как никакой другой. Я делаю то, что никто не делает. Обычно в тугре пишут несколько слов, оформляет цветочками, узорами. Я пробовал с начала традиционное письмо, но понял, что мне хотелось, чтобы через тугру выражалась психология человека, его интеллект, индивидуальность. Для этого нужно дать хоть какой-то намек зрителю, тогда ему будет интересно разгадать историю человека в картине.

Я в творчестве всегда отталкивают от красоты, она необходима в мире. Каждый к ней стремится, преображается. А каллиграфия именно это и создает — красоту.

А над чем вы сейчас работаете?

Над туграми, конечно! Как вам тугры для моих учеников? Я стараюсь не просто в трех слова на арабском языке передать имя, а передать любым способом характер, интересы и мировоззрение человека, показать флегматик он, холерик и т. д.

Вот, к примеру, мой ученик, который чудеса творит: с помощью фотоаппарата может изобразить на одном листе пол Казани, Парижа или Неаполя. Он ищет в городе самую высокую точку, любыми правдами туда проникает и делает панораму, а где не получается, он руками дорисовывает. Это его фотоаппарат, под объективом которого от страха съежилась Эйфелева башня, но в то же время и его тугра, здесь есть имя и фамилия.

Я всегда стараюсь немного с юмором подходить к каждой работе.

А это моя будущая тугра «Е Владемир». Я еще не демонстрировал ее другим. Одновременно я буду Владимир, как записано в паспорте, и Е Владемир: изменилась лишь одна буква в слове и она же добавилась в начале. Это и как имя, и как псевдоним, и как фамилия. Это связано с тем, что периодически я меняю свой имидж. И сейчас как раз настала пора.

Я всю жизнь экспериментирую: раньше у меня живопись была реалистическая, писал жанровые большие работы. Весь БАМ чуть ли не прошел, проехал и увековечил на работах. У меня много материала. Люблю необычное: в мастерской лежали без дела старые работы, я наклеил их, оформил, а поверх сделал подписи каллиграфические. Необычно получилось.

Так что не бойтесь экспериментировать! Творите, пишите и развивайтесь!

Главное начать и идти к цели

Хузина Роза Райсовна — талантливый каллиграф из Казани дала интервью специально для нашего журнала, рассказала о своем начинающемся, но уже успешном пути в мире искусства красивого письма, показала некоторые работы и поделилась планами на будущее.

Роза Райсовна, как вы пришли к занятию каллиграфией?

В детстве я всегда рисовала, правда, это были обычные детские работы, писала буквы. Но в 9 классе я начала этим серьезно увлекаться, поступила в Казанское художественное училище им. Н. И. Фешина, а в 2009 году поступила в Набережночелнинский институт социально-педагогических технологий и ресурсов.

Я долго искала себя как художник. Помог чудесный случай: в 2005 году на выставке познакомилась с работами Владимира Александровича Попова. Едва я их увидела, как у меня мурашки по телу побежали, настолько велико было влияние сур и Корана. Спустя 10 лет мне посчастливилось познакомиться с Владимиром Александровичем лично, до этого я знала его только по работам, вдохновилась ими.

Мне это близко, благодаря произведениям Попова я нашла себя как художник. И вот сейчас я учусь у Владимира Александровича и продолжаю его путь. Мне удивительно повезло! Он не принимает людей в ученики. Меня с ним приятельница познакомила, она — журналистка, готовила материал для публикации и пригласила меня, чтобы помочь сфотографировать его работы. Когда я зашла в мастерскую, он начал интересоваться моими увлечениями, попросил показать рисунки. Мы совпали: он мной заинтересовался как художником, как личностью. Я стала приносить Попову эскизы, он подсказывал, учил, направлял. Сейчас развиваюсь дальше и дальше.

А кто-то еще был вашим учителем?

Нет, только Владимир Александрович. Он очень добрый, терпеливый и щедрый мастер. Мне с ним Всевышний помог.

Что для вас каллиграфия?

Это искусство красивого письма, аккуратный почерк. Она подобна музыке, которую пишешь на одном дыхании.

Как вы считаете, работать нужно по вдохновению или по расписанию?

Только по вдохновению, ведь не всегда муза приходит.

Расскажите о вашем творческом процессе, в чем его особенности?

Кто-то сразу пером пишет, кто-то намечает и обводит, а у меня своя техника: сначала намечаю контуры, потом крашу. Вначале мне проще просто написать текст, а потом преобразовать его в рисунок.

А как приходят образы, идеи работ?

Я читаю Коран, одновременно с этим возникают в сознании образы, там же смысловое содержание очень яркое. Жаль, несмотря на то, что могу читать немного арабское письмо, понимать его еще не понимаю, лишь учу как иностранный.

Почему традиционному письму предпочитаете словесные картины?

Все интересно попробовать. Я готова к экспериментам. Что-то из техники пока не использовала, но очень хочу. Мне интересно все, что связано с искусством, люблю познавать все новое. Готику, кириллицу еще не освоила, но, кто знает, вдруг появятся идеи и в этом направлении? Надо всегда пробовать, на мастер-классы ходить, развиваться.

Каким должен быть человек, который решает связать свою жизнь с каллиграфией?

Важен талант, стремление и цель в жизни у человека.

А какая цель у вас?

Я хочу создать свою авторскую выставку. Вот сейчас иду к своей цели мелкими шажками: потихоньку создаю работы, они накапливаются. Мечтаю, чтобы на выставку пришла мама и увидела, чего я достигла.

Хочется, чтобы люди увидели прекрасное. У нас вся жизнь проходит в серых красках, а яркого вокруг мало. Я верю, что увидев каллиграфические картины, человек вдохновится. Ведь нашими работами мы восхваляем Все-

Тугра бабушки Гульфира

вышнего, показываем красоту мира другим.

Как влияет каллиграфия на вас?

Я успокаиваюсь, ведь Коран — это священная книга, это не просто слова, но писание Всевышнего. Ощущение похоже на медитацию, рисуя, полностью уходишь в каллиграфию.

Верите, что каллиграфия способствует развитию?

Безусловно, она влияет на зрение: ты сосредоточен, постоянно перемещаешь взгляд, смотришь на огласовки и т. д Каллиграфия еще способствует развитию мелкой моторики.

Не хотели бы когда-нибудь преподавать?

Мне кажется, пока что знаний недостаточно, чтобы другому человеку передать все в полном объеме. Сама только учусь, хочу еще освоить леттеринг и другие техники, я ведь года три всего этим занимаюсь. Пока что участвую в разных выставках, куда меня приглашают. За моими плечами уже 20 выставок.

А что самое любимое в процессе?

Когда эскиз получился — радуешься. Подобно тому как ребеночка вынашиваешь, здесь также: обдумываешь и «рожаешь» в мир. Я пишу так, как чувствую цвета, образы исходят изнутри.

Во имя Аллаха милостивого и милосердного

А сколько по времени у вас занимает работа?

Все с эскиза начинается. В начале приходит идея, потом ищешь форму, делаешь наброски и т. д. Может быть где-то неделю.

А с чего нужно начинать занятия арабской каллиграфией? На что сделать акцент?

Конечно, сперва, нужно выучить алфавит. Это как основы изучения русского или английского языка. Затем освоить написание букв в разных стилях, понять их строение. Еще очень важно — это найти своего учителя, сейчас очень много курсов. И потихонечку двигаться, развиваться.

А возможно научиться каллиграфии через Интернет?

Если есть цель – то да. Однако считаю, что живое общение намного важнее. Учитель рядом тебе все покажет, расскажет, поправит.

А что можете пожелать тем, кто любит каллиграфию?

Главное начать и идти к цели.

Любовь к перу

Журналу «Каллиграф» удалось побеседовать с Екатериной Марковной Зархмастером из Санкт-Петербурга, участником проекта Международная выставка каллиграфии.

Екатерина, как вы пришли к каллиграфии?

Наверно от любви к перу как инструменту. Я любила им рисовать. Конечно, повлияло ещё то, что в детстве, в начальной школе писали перьевыми ручками. Хорошо помню, когда в старших классах уже допускалось использоватьшариковые, мне не понравилось, продолжала писать как раньше.В художественном училище у нас была дисциплина «Шрифты», работали плакатными перьями, тогда мне это было не интересно... Но плоское перо каким-то образом,всё равно, запало в душу. Все это, наверно, уже послеи повлияло на выбор инструмента, в творческом рисовании – снова потянуло к перу – и к плоскому, и к острому, к этому соединению металла, бумаги и воды…

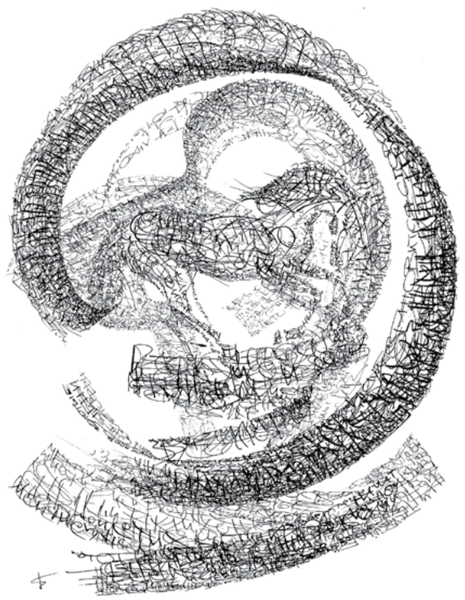
А что вы рисовали пером?

Была серия работ «Дождь в городе», полу-абстрактные рисунки петербургских домов (перо, тушь, акварель). Город для меня – это прежде всего дома́, набережныеи мосты – в этом душа города, это то, что противостоит пафосу и холоду монументальных имперских строений. И мне нравилось, как с помощью пера архитектура превращалась в росчерк. В этой графике потом стали возникать слова: названия, подписи, строки, стихи. Они были завуалированной частью рисунка, продолжением окон, аркад. А однажды не появился дом, не появился цвет, а появился один стих.

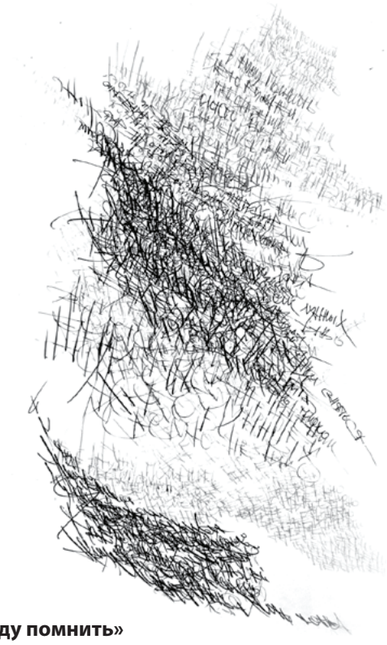
Стихотворение становится рисунком, его ритм добывает свое изображение на бумаге, перо высекает его. Такие работы появлялись только на свою лирику. Наверно потому, что со своими словами, я вправе делать что угодно.

Дом на Мойке

Петроградская стороня



Солнце- конь



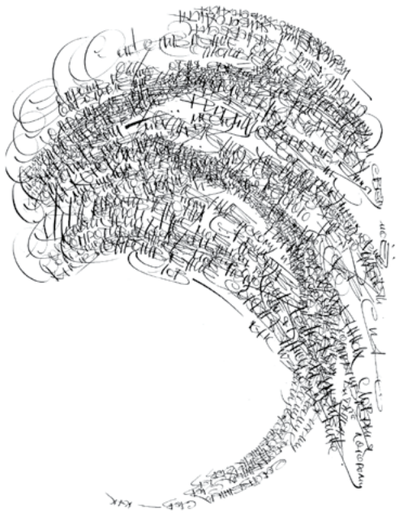
«Я буду помнить»

Это, конечно же, не каллиграфия – графика, в ней прописывается текст тем или иным своим почерком. Не знаю, как определить эти изображения. Рисунки словами. Чаще они абстрактны. Тексты не читаемы.

То есть стихи на этих работах нельзя было прочесть? Почему?

По какому-то внутреннему смыслу, они должны были быть скрыты. Стихотворение будто отказывается от себя, ввергаетсяв хаос, чтобы победить его, чтобы обрести иную форму. Несмотря на то, что тексты не читаемы,

«Избыток сердца»



«Сопротивление огня свечи свету»

каждое слово прописывается абсолютно явно, каждая линия, каждый штрих – это звуки слов… Я для себя знаю, что не имею права прикоснуться пером к бумаге случайно, просто так, не находясь в абсолютном внимании. И писать могу только в тишине.

Техника не терпит исправлений. Часто пишу несмываемой тушью, чтобы нельзя было даже чуть изменить след от пера. Иногда движение заводит тебя не туда, исразу меняются и разрушаются сложившиесявзаимосвязи, как в жизни – сделан шаг, это уже записано, и нельзя делать вид, что этого не было – ошибка ли, проступок ли, исправить нельзя, последующие поступки и выбор будут обусловлены этим.

…Такие работы, наверно, со стороны малопонятны или не понятны вовсе, (удивление вызывает, когда кому-то это искренне интересно), но для меня внутренне необходимо делать именно это и именно так.

Сколько времени уходит на работы?

Очень по-разному, иногда пару недель, месяц, было и два года. Есть работа, к которой возвращаюсь в течение уже пяти лет, причем дважды было чувство, что всё закончено, убираешь, потом достаешь – нет! – и пишешь дальше. Иначе нельзя.

Вы пишите тольков своей авторской манере?

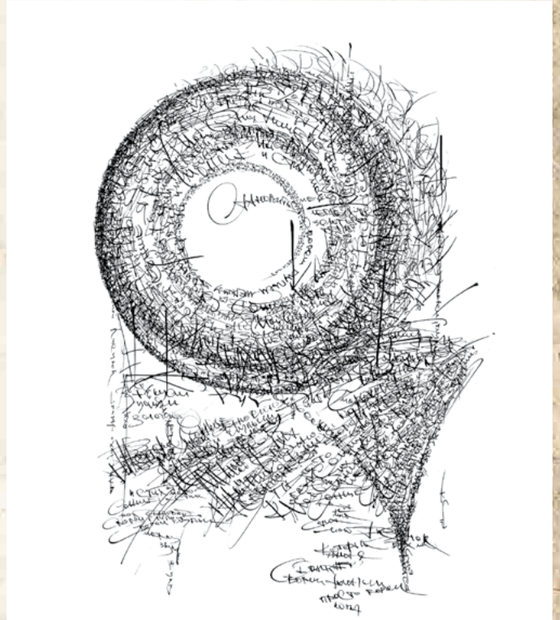
Вот уже год как учусь и по-другому. В 2009-м году я стала участником проекта Международная выставка каллиграфии. Многие представленные работы поражалине в смысле только эстетики, а в смысле подлинного искусства. Знакомясь с разными культурами рукописных шрифтов, периодически, возникало желание заняться каллиграфией как таковой, но останавливала мысль, что это может, увести от чего-то своего, помешать. Однако год назад, на VI Международной выставке, я побывала на творческой встрече одного каллиграфа,прекрасного мастера. Его рассказ был пронизан такой любовью и интересом к жизни букв, и при этом был лишен какой бы то ни было патетики, что мне, именно после этого, захотелось учиться писать не только своим почерком.

Чему вы научились за этот год? Какими шрифтами овладели?

Покаунциал и итальянский курсив. Италик долго не давался, сейчас уже не стыдный уровень. Дальше хочу: устав, полуустав, скоропись. Чтобы писать стихи одного из моих любимых русский поэтов, будет нужна вариативность именно от этих кириллических шрифтов…

Вы чувствуете какую-то трансформацию в себе или в графике после этих занятий?

Да, чувствую больше возможностей руки, микродвижения становятся разнообразнее. И, главное, ушло беспокойство, что это может отвлечь от необходимого и найденного своего творческоговыражения. Любой опыт, в котором есть усилие,только обогащает.



«Когда солнце – я выживу»

Мегаполис. Белый шум

История создания картины «Мегаполис. Белый шум» Алексеевой Елены Владимировны.

Карина «Мегаполис. Белый шум» выполнена в манере экспрессивной каллиграфии, с применением гуаши, тонированной бумаги, остроконечного пера и нестандартных инструментов.

Работа возникла из желания передать ощущение контраста утонченного, хрупкого и чего-то масштабного, нагнетающего и подавляющего. Словно личность, размываемая бешенным и агрессивным темпом большого города, старается сохранить свою целостность, но при этом все же постичь окружение. У меня была идея воссоздать ритм мегаполиса с его белым шумом мнений, мыслей, событий. Из противопоставления стихий, статики и динамики, личностного и общественного, микрокосмоса и макрокосмоса создается гармония, которую передает чередующееся сочетание едва различимых и акцентно-выделенных линий. Важно отметить, что картина не замерла, она словно «затягивает» зрителя в собственное пространство, приглашая к бессловесному диалогу в пространстве безвременья.

На картине можно едва различить строки одного из стихотворений Цветаевой, однако создать читаемый текст не было конечной целью, напротив, мне хотелось, чтобы зритель при знакомстве с полотном испытывал и переживал собственные эмоции: радостные или меланхоличные. Здесь показывается противостояние, контраст личного, тонкого и тихого диалога «ты – я», как мелодия речи, мысли — большому многослойному и запутанному миру.

В ранней версии картины преобладают оттенки сепии, но спустя некоторое время мне удалось повторить композицию в черно-белом формате. Повесив ее на стене вертикально (первоначально картина была задумана в горизонтальном варианте расположения), я заметила,- насколько оригинально смотрится данное решение, и решила его оставить.

Молодое поколение

Карина Бутенко с детства мечтала быть художником, поступила в институт художественного образования, где познакомилась с Н.Н. Тарановым, и эта встреча полностью изменила ее жизнь. Девушка увлеклась каллиграфией, обучилась в школе искусства красивого письма, даже провела свою персональную выставку в Волгограде. Сейчас она заканчивает институт, работает в сфере графического дизайна и делится с окружающими своим оригинальным взглядом на мир каллиграфии.

Когда вам стало интересно искусство?

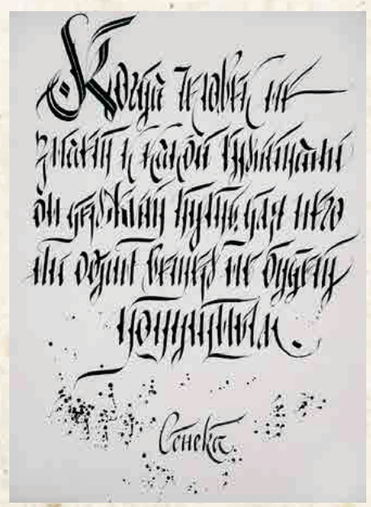
Когда я поступала в институт, на моей специальности был предмет посвященный искусству каллиграфии, который преподавал (и преподает) Николай Николаевич Таранов. Я увидела большое количество работ студентов и мастеров. Меня увлекло, что посредством графического знака, буквы, можно столько передать и запечатлеть.

Что привело к занятиям каллиграфией?

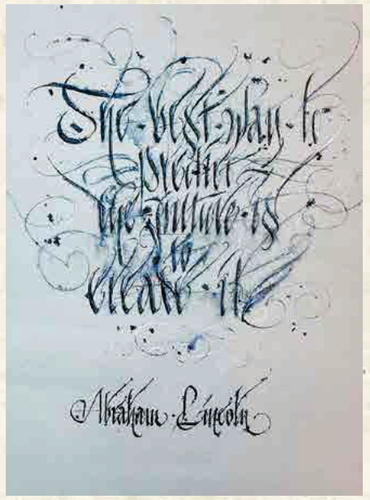
Едва начались долгожданные занятия, у меня совершенно не получалось писать, что очень подогрело мой интерес и я начала заниматься усиленно. Конечно, свою роль сыграло и то, что на мировой арене это искусство стало занимать особенную позицию, стало привлекать всё больше внимания и интереса. Я думаю, это связано с тем, что люди устали видеть наборные, механические шрифты, т.к. в них не прослеживается рукотворность. Красивое письмо смогло заполнить эту пустоту, ведь творения разных мастеров абсолютно уникальны и самобытны. Сейчас каллиграфия и леттеринг основательно проникли в сферу дизайна, они обогащают визуальные коммуникации. Очень здорово, что это искусство вышло в масштабы современной материальной культуры.

Что для вас каллиграфия?

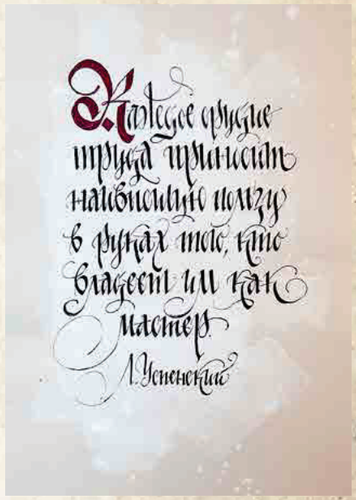
Очень самобытное искусство, мне нравится, что в работах разных мастеров можно увидеть не только цитаты, но и их самих, авторскую уникальность. Именно это легко заметить и почувствовать людям, которые не разбираются в данном виде искусства.



«Когда человек не знает к какой пристани он держит путь, для него ни один ветер не будет попутным». Акрил, бумага. 2018 г.



«The future». Чернила, акварельный карандаш, бумага. 2017 г.

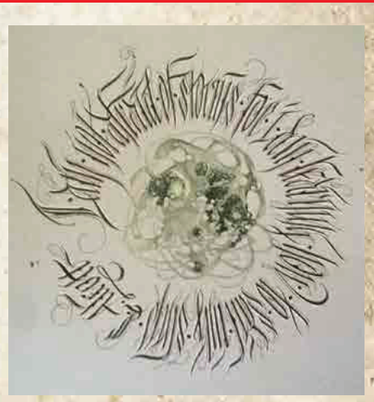


«Мастер». Акрил, бумага. 2017 г.

"Rose bushes".
Бумага, чернила, акрил. 2018 г.

"О красоте".
Бумага, чернила. 2018 г.

«Don't be a prisoner».
Бумага, тушь. 2018 г.



«Not afraid of storms»
Бумага, тушь, чернила, декоративная краска. 2018 г.

Что даёт каллиграфия? Замечаете какую-то трансформацию в себе?

Это очень медитативный процесс, в котором можно запечатлеть свои эмоции.

Кого можете назвать своим учителем?

Мне сложно назвать какого-то определенного человека.

С чего стоит начать учиться?

Конечно же с методических пособий. Очень важно сначала поставить руку, а уже потом приступать к каким-либо определенным дуктам. Иначе получится так, что начинающий будет часами «обводить», а не писать буквы.

Как вы можете охарактеризовать собственный стиль?

Это смесь итальянского минускула и готических групп шрифтов.

Какими материалами и инструментами любите работать?

Очень люблю parallel pen.

А какой ваш любимый шрифт?

Мне сложно выделить какой-либо определенный. Каждый шрифт хорош по-своему.

Есть ли любимая буква?

Нет, буквы любимой, пожалуй, нет. Но мне очень нравится амперсанд.

Что любите писать? Есть ли любимый автор текстов и цитат?

Чаще всего, я пишу цитаты Омара Хайяма.

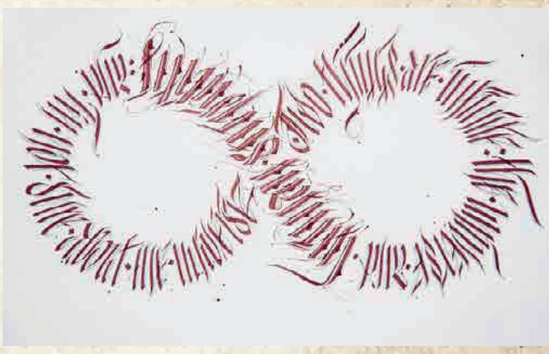
Какими своими работами гордитесь? Возможно, есть самые любимые?

У меня нет любимых работ или тех, которыми горжусь. Я просто пишу и радуюсь, когда получается что-то хорошее.

В Волгограде прошла ваша персональная выставка. Что послужило источником вдохновения для нее? Чему научил данный опыт?

Мне немного сложно выразиться об этом словами, было бы проще каллиграфией.

«Если внутри у тебя всё в порядке...»
Бумага, чернила, тушь, поталь. 2018 г.



«Only two things are infinite»
Бумага, чернила, акварельный карандаш, тушь. 2018 г.

На самом деле, в тот момент биографии было много личных переживаний. Все люди так или иначе сталкиваются с минутой, когда они теряются и не могут решить какие-то внутренние вопросы. Мне очень хотелось написать мудрости о жизни, прошедшие проверку временем. Только сквозь нерушимые вещи понимаешь, что все проблемы — это часть жизненного цикла, которые делают тебя лучше. Они хороши и тем, что позволяют выйти из рутины и увидеть чуть больше, чем видишь обычно. В целом, мне хотелось бы в том, что я делаю, проявлять свою любовь к окружающим и окружающему и стать к ним ближе.

Есть ли забавные или интересные истории, связанные с каллиграфией?

Когда мне помогали с выставкой, одну мою работу случайно повесили вверх ногами. Забавно, что помимо того, что это было не заметно, она, кажется, стала даже лучше.

Над каким проектом, если это не тайна, Вы работаете прямо сейчас?

По правде говоря, на данный момент я усиленно работаю в сфере графического дизайна и делаю дипломную работу. В ней будут объединяться пластика иллюстрации и леттеринга. Это соответствует как последним тенденциям в среде оформления, так и совпадает с моим внутренним чутьем.

Какое будущее видите у каллиграфии? Какие современные тенденции существуют?

Мне пока сложно делать какие-либо точные прогнозы. На мой взгляд, на данный момент, общий интерес вызывает футуристическая каллиграфия и каллиграфити. Конечно, популярность связана с тем, что эти направления вышли в масс-медиа и урбанистическую среду. Но, наверное, пока рано говорить о том, во что это разовьется.

Просто работаю не когда хочу, а когда надо

Предлагаем вашему вниманию разговор с Артемом Васильевичем Лебедевым. Он является участником проекта «Международная выставка каллиграфии», специализируется в области поздравительной каллиграфии, сочетая рукотворный труд и компьютерную обработку в программах CorelDraw, Adobe Photoshop, Illustrator.

Артем Васильевич, расскажите немного о себе, где вы учились?

Я окончил Самарскую государственную академию культуры и искусства, факультет культурологии, специальность «Этнография». Это было единственное место, где в то время существовало декоративно-прикладное искусство. Правда,перед этим я поступил в Институт художественного образования при Педагогическом университете. К сожалению, не получалось совмещать очную форму обучения и работу, так что пришлось уйти вдругое место. Я понимал, что образование необходимо, однако раньше в Самаре просто не было подходивших мне заведений.

А как вы оказались в мире каллиграфии?

Я его не покидал никогда, как попал в 6 классе. Я пришел в изо-кружок, где преподаватель дал тетрадь в клетку, перо в пять миллиметров, и надо было все листы исписать черточками, прежде чем начать учиться рисовать. Потом меня родителив художественную школу отдали, где я пробыл в 7-8 классе, а потом поступил в училище на художника-оформителя, где обязательной дисциплиной был «Шрифт».

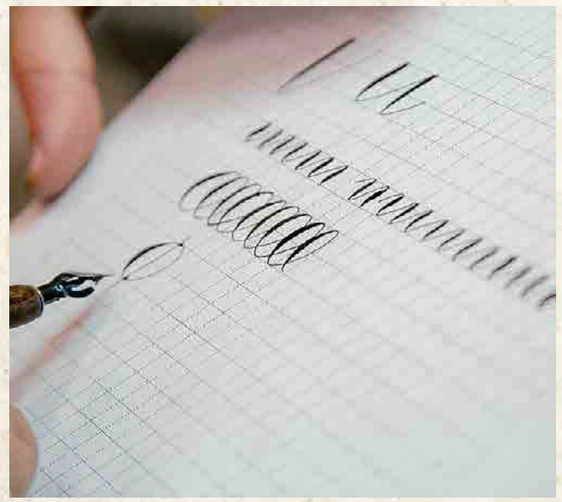
Затем в армии плакаты делал, после в Оперном самарском театре работал в отделе по рекламе, создавал афиши около 8 лет. Но это больше уже был леттеринг: отчертил афишу, написал буквы и их раскрашиваешь, до ума доводишь, это не каллиграфия в чистом виде.Тогда не существовало такого понятия как «леттериинг», были все художники-оформители. Итак, я всю жизнь пишу, как вошел в мир букв в 6 классе.

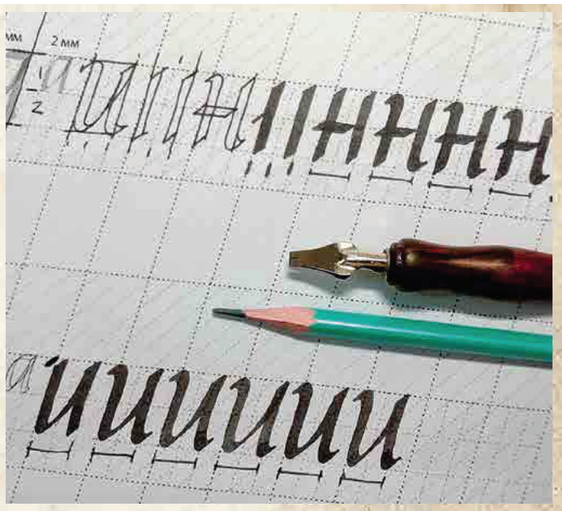
Что для вас каллиграфия?

Ремесло. Это тот вид занятий, который мне нравится. Более менее получается, изредка даже бываю доволен. Мне кажется, это свойство любого человека: пока делаешь – наслаждаешься, а потом посмотришь и думаешь, что мало старался, можно еще лучше.

На вас влияет каллиграфия?

Явных изменений не замечал. Я просто получаю





удовлетворение, особенно когда у моих студентов что-то получается.

Кто ваш учитель и вдохновитель в мире букв?

Я всегда учился у всех понемножку. Не скажу, что у меня есть кто-то конкретный, кто начал учить, вывел в свет и т.д. Былинаставники в школе, в университете, в армии, даже сам, служа в театре, учился по книгам.

Юрий Иванович Ковердяевмногое дал, он не был моим педагогом, но определенное влияние оказал: я за ним «подсматривал», часто пересекались, даже некоторое время работали вместе.

Как характеризуете собственный стиль?

У меня нет определенного стиля. На меня оказал влияние Георгий Иванович Козубов, Юрий Иванович Ковердяев, Илья Трофимович Богдеско. Я долгое время работаю в сфере поздравительной каллиграфии. Под каждый праздник придумываю что-то соответствующее, ведь определенному событию подходит свой стиль. Как сказал когда-то мой преподаватель по композиции Александр Анатольевич Пешков: «Не пытайтесь изобрести велосипед, он уже давно изобретен. Берите, пользуйтесь и улучшайте», и «Прежде чем что-то делать, вы должны изучить вопрос». Я следую этим постулатам: стараюсь изучить информацию о праздниках и существующих открытках, улучшаю свои работы, чтобы все отвечало духу времени и было оригинально.

У вас есть любимая буква?

В последнее время я чаще всего пишу «ИШ», поскольку мы с этих букв начинаем занятия, часто прописываем для тренировок. Без них ни один урок не начинается, насколько сочетание любимое – не знаю, но пока еще не ненавижу.

Вы оформляете многие открытки, логотипы и т.д. Есть ли любимая разновидность работы?

Открытки, конечно. Они различаются в тематике, технических требованиях. Я пишу в рукой, потом переношу в цифровую версию.

Сколько времени занимает работа над открыткой?

Порой процесс создания надписи занимает несколько часов, а иногда – дней. В плане работы я –зануда. Я около 5 лет работал на фрилансе, это был полноценный рабочий день. Есть те, то пишет и днем, и ночь, но я не до такой степени фанат: просто работаю не когда хочу, а когда могу и надо.

Есть ли какой-то проект сейчас?

Я сейчас работаю над проектом, посвященным красивому почерку, хочу внести свою лепту. Раньше были только прописи для каллиграфии, а создаю пособие по красивому почерку для любого пишущего инструмента.

А как возникли ваши прописи?

Начиная преподавать, ищешь способ улучшить процесс. Когда дали детскую группу, понял, что им нужны прописи. Начал делать, и словно снежный ком: создались для детей, потом для взрослых, на данный момент их у меня готово около 7 комплектов. Сейчас я не единственный, но раньше аналогичных разработок вообще не было в России.

А как вы стали преподавать?

Как и многое в моей биографии: случайно. Сперва попал в Международнуювыставку каллиграфии, и тут все самое интересное началось. Веду сейчас занятия у взрослых и детей.

Каково специфика работы с учениками разных возрастов? Или вы не замечаете разницы?

Она есть,понял, что мне сложнее работать с детьми младше 9 лет, с ними нужно все постигать через игру. С тех пор стараюсь брать группы постарше: подростков, например, с ними можно говорить, как со взрослыми.

Как заинтересовать каллиграфией учеников?

Нужна внутренняя потребность человека, без нее какие бы усилия не прилагал учитель, все будет тщетно.

А что нравится всамом процессе преподавания?

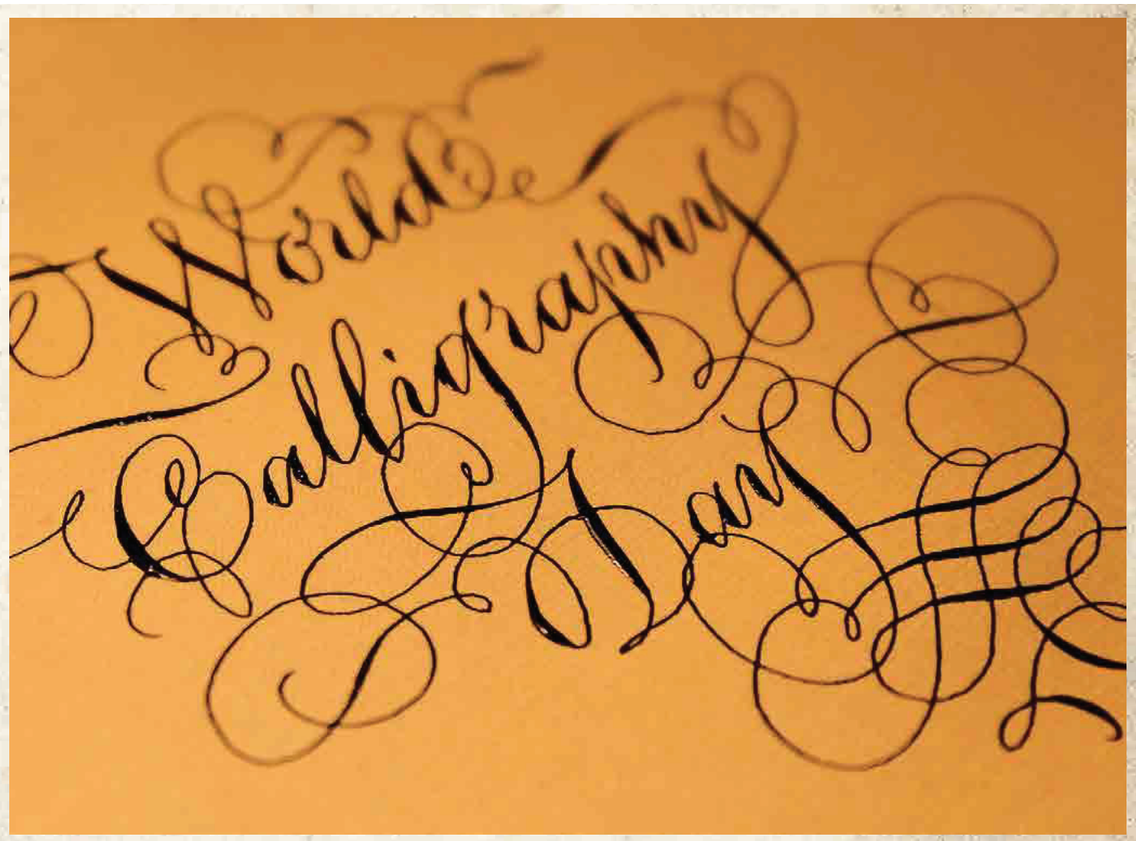
Нравится обоюдный процесс: я им даюзнания и многое получаю взамен.

С творчеством кого из учеников посоветуете ознакомиться?

Например, с Юлией Трофимовой, она была далека от искусства, но достигла таких результатов, что участвовала в Международной выставке каллиграфии. Илис ЮлиейКорс.

А что привлекает людей из других сфер в каллиграфию?

Для многих это хобби: кто-то учится танцу, кто-то игре на гитаре, а кто-то красиво писать. Есть в этом некая



магия. Меня всю жизнь окружали красивые материалы, помню, как у папы стащил завораживающую авторучку с золотым пером, уж не помню, вернул ли. Я к этому уже привык, а многих завораживает таинственность и загадочность инструментов.

С чего стоит начинать?

С желания учиться. Определить, что тебе больше нравится: острое или плоское перо. У кого какая потребность: кто-то хочет писать, как в XIX век, кто-то работать вязью или выводить готику. Если не знает, что больше привлекает, советуюбазовый курс в Национальной школе каллиграфии, он позволяет в процессе обучения попробовать разные инструменты и шрифты. В процессе занятий становится понятно, что именно привлекает больше всего. А потом уже можно «подглядывать за мастерами и учиться у них.

Как можно научить оценивать каллиграфию?

Каллиграфия изначально создавалась как книжное искусство. Бытовое письмо старше, но именно в книгах оно достигло наивысшего расцвета. Сложно научиться оценивать. Сейчас есть много школ,которые дают не всегда верные пропорции, все сводится к удовольствию от процесса с отказом от базы. Такой современный путь, плох он или хорошо – не берусь судить. Если делать кривые буквы, не зная основу, то человек не может потом развиваться. Для этого нужно знание канонов. Я не против модного и современного, но каллиграфия изначально «красивый почерк», об этом нужно помнить.

Какими качествами стоит обладать каллиграфу?

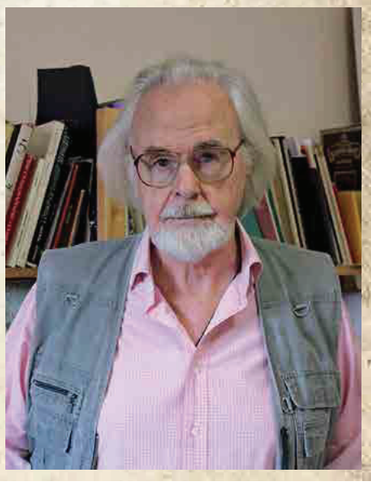
Усидчивость необходимо, но она же развивается в процессе. В целом, теми же качествами, что и художник: не стоит нести зло и агрессию в массы. В работе не должно быть адреналина, важен спокойный настрой, иначе дрожь передается руке.

А как зарекомендовать себя и пробиться в издательство?

Нужно быть настойчивым. Я распечатывал портфолио и раздавал на книжных выставках, так набрал кучу заказов, благодаря чему стали узнавать. Сейчас очень сложно выжить только одной каллиграфией, так или иначе ее применяешь в открытках, лейблах, создании логотипов и т д. Если все будет идти как сейчас, то у каллиграфии большое будущее: двадцать лет назад о ней никто кроме оформителей не знал. Сейчас началась эпоха возрождения. В «нулевые» народ настолько пресытился безвкусием, возникла потребность не в фотомонтаже, а в живых работах, появилась Международная выставка каллиграфии, стали появляться тематические сайты, сообщества в соцсетях. Надеюсь, эта положительная тенденция будет лишь усиливаться.

Мастер от А до Я

В небольшой уютной студии в Краснодаре располагается школа каллиграфии «Мастер от А до Я». Ее преподаватель — профессор, заслуженный художник РФ Леонид Иванович Проненко дал небольшое интервью специально для журнала «Каллиграф». Мастер рассказал о своем пути в мир красивого письма, поделился секретами профессии, рассказал о своем видении искусства сегодня.



Леонид Иванович, расскажите немного о себе. Как вы выбрали творческую стезю?

По специальности я машинист турбин, некоторое время работал, а потом взяли в армию. На последнем году службы познакомился с одним казахом, закончившим художественный институт. Он в свободное время писал этюды, и меня это очень заинтересовало, попытался сам что-то нарисовать.

Мне повезло, меня заметил Александр Сергеевич Чаплыгин и предложил поступать в строительный институт. Удивительным образом поступил, правда, не обошлось без приключений. Но понял, что хочу рисовать. Тогда Александр Сергеевич отвел меня к одному известному художнику в Воронеже, а он начал критиковать: «Тебя принял Александр Сергеевич, вот и учись. Ты же ни цвет, ни композицию не соображаешь и т д».

Я не сдался. Приехал домой, мама отвела к знакомому учителю рисования, с которым год позанимался и, как ни странно, поступил, правда, было мне уже 27. Хорошо все пошло, цвет стал чувствовать. Закончил художественно-графический факультет Кубанского государственного университета, предложили остаться. Хотел заниматься живописью, а потом в руки попала книга Виллу Тоотса, и я влюбился в каллиграфию, поняв, что ничего красивее шрифта на свете нет.

Я напросился в Таллин, где никого кроме прибалтов не принимали. Но когда попал туда, то профессор, заведующий кафедрой, попросил рассказать о Краснодоне. Я уточнил, что из Краснодара, а он был разочарован.

В Таллине был на стажировке три раза по три месяца, мне посчастливилось познакомиться и подружиться с Тоотсом, мы даже переписывались с ним всю жизнь.

Потом я выиграл конкурс, должен был пробыть 10 дней в Америке, а предложили остаться на три месяца. Но не все было так гладко: ректор не хотел отпускать, не верил, что ВУЗу не придется платить. Несколько дней я стоял в очереди в кассу, оказалось не туда. Мне повезло, успел в последний момент. Удивительно, когда был в самолете, объявили, что на борту летит русский каллиграф, преподнесли водочку. В США я был в Сан-Франциско, Нью-Йорке, Сан-Диего и других городах, встречался с художниками, посещал мастерские, а заодно показывал, что и у нас есть.

Чего мне еще желать? Уже столько выставок за плечами. Недавно был учет в университете, разложил свои публикации и занял всю комнату.

Что для вас каллиграфия?

Это все: образ жизни, бумага, инструменты, факультет, и т.д. Все...

Примечательно, что Вы сказали в начале о каллиграфии как об образе жизни. А каким человеком должен быть каллиграф? Может ли любой им стать, или это человек с определенной предрасположенностью?

Любой может стать, лишь бы это нравилось. Например, у нас года три после Великой Отечественной войны в плену был Фридрих Попл, потом он вернулся домой, хорошо отзывался о СССР, стал выдающимся каллиграфом. Откуда? Что? Чего?..

Или американец Ворд Донэм вообще не мыслил о каллиграфии. Во время войны с Вьетнамом он был там инструктором боевых искусств, высокий, широкоплечий. Однажды он увидел как пленный вьетнамец, очинил спичечку и пишет. Его это заинтриговало, попросил обучить. И вот он стал известным каллиграфом.

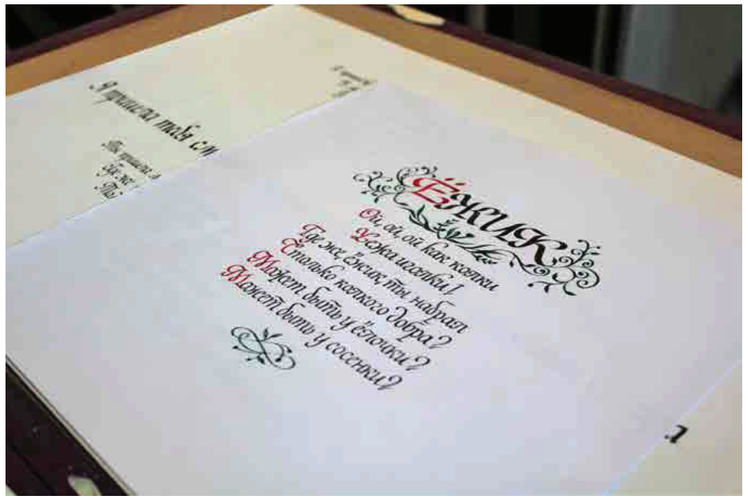
Каллиграфия должна задеть душевные струны.

Как вы думаете, какое влияние оказывает каллиграфия на человека?

Многие ученые из института мозга отмечают, что это полезно для мелкой моторики, особенно для детей. Человек в процессе отдыхает от всего, психика расслабляется, я с этим согласен.

Вы верите во вдохновение или придерживаетесь расписания в работе?

Люди бывают разные. Один считает, что нужно с утра садиться работать, вдохновение придет в процессе. Другой верит, что нужно творить только под вдохновени-



ем, иначе ему неймется. Я что-то среднее.

А Виллу Тоотс, бывало, зайдешь к нему в гости, накроет стол, выпьет и больше в этот день не работает, а в остальные дни постоянно только пишет.

Кого вы можете назвать своим учителем, кроме Виллу Тоотса?

На меня повлияли многие художники. Но в основном именно Виллу Тоотс. В общей сложности я 9 месяцев был в Таллине, посещал его выставки, выступал с докладом. Он был моим идеалом.

Как вы можете охарактеризовать свой стиль?

Каллиграфия складывалась под перьями различных клерков. Кто-то что-то подмечал для себя, аналогично любой человек постепенно вырабатывает свои приемы. В тот же курсив каждый мастер вносит нюансы. Я не исключение.

Сейчас все упираются в модные перья, дорогую бумагу. А раньше Герман Цапф писал на обороте обоев и не брезговал любой бумагой, ведь новые материалы привносят новый подход, идеи, новый вызов. Для шедевров не нужны дорогие материалы: самодельное перышко, которое можно заточить

хоть прямо, хоть как хромое перо, с левосторонним срезом или с двумя расщипами, да как угодно.

Тушь или любой краситель и простой лист бумаги и все, работа готова. Такие мои работы даже купили мировые музеи. Был однажды случай. Я жил у мастера, мне не понравилась работа, скомкал ее и выкинула. А на следующий день пришла уборщица, стала наводить порядок и развернула листок. В этот момент вошел мастер, увидел работу и попросил ее продать.

Есть у вас любимый шрифт, написание которого дарит удовольствие?

Что-то от курсива. Никто так не писал до Тоотса, просто, но элегантно, оригинально. Он нашел свой подход, многие ему сейчас подражают.

Когда я был в Сан-Диего, поучаствовал в отборе работ для публикации книги. Восхищался одним художником, чью пару работ встретил, но когда посмотрел остальные произведения, я не проголосовал за него. Дело в том, что у него одна и та же композиция повторяется, все одинаковые. Каллиграф должен придумывать новый подход, расположение, если писать одно и тоже, то нет смысла.

А у вас есть любимая буква?

Они все красивые, все нравятся.

На некоторые работах у вас есть цитаты Э.А. По. Вам больше нравится писать ваш собственный придуманный текст или брать цитату из классики литературы?

Я очень люблю По, есть около 10 работ с его цитатами, многие у меня забрали в Америке. Нравятся наши его переводы, каждый из них самобытен.

Есть у вас самая любимая собственная каллиграфическая работа?

Есть те, которые больше нравятся, например, «Разговор с каллиграфией» и просто шрифтовые работы, выполненные на едином дыхании, где композиционно все сложилось.

А над каким проектом вы сейчас работаете?

Недавно закончил книгу с Павлом Петровичем Бабенко (студент из первого выпуска школы каллиграфии «Мастер от А до Я».) Он пишет стихи, сравнивает себя с Омаром Хайямом. Его работы я компоновал, делал заголовки, буквально недавно закончил.

В одном из интервью вы обещали создать наборный шрифт, удалось начать претворять эту идею в жизнь?

Нет, к сожалению.

А с чего начать обучение каллиграфии?

Мы на занятиях к школе «Мастер от А до Я» рисуем плавно все элементы, поскольку лишь изучив классику, можно добавлять экспрессию. Освоив основы, классические пропорции начинаешь понимать отклонения, улавливать нюансы. Мы все начинаем с классического итальянского курсива. В нем заложены все тонкости владения пером, если его постичь, все другие шрифты даются легче.

Почему я пропагандирую широкое перо? Потому что острым пером можно подписать открытку, еще что-то такое сделать. Но что делать с большими пространствами? Например, стеной? Я видел, как американец скошенным веником с помощью краски писал на стене, а маленьким то как? Нет простора для творчества.

Красота буквы проступает, когда есть красивый вход, выход, когда элементы переливаются, словно ртуть. А для этого нужна точность. В живописи есть возможность поправить полотно мастихином, но в каллиграфии у тебя нет права на ошибку, иначе нужно будет переписывать всю работу. Это приучает к точности, самодисциплине: только так можно провести линию, но при этом не смотреть на нее, а видеть всю картину целиком, иначе это как будто учить ребенка, катаясь на велосипеде, смотреть лишь на колесо. Нужно, когда ведешь линию, видеть свою конечную точку.

А что в каллиграфии нужно освоить в первую очередь?

Анатомию буквы. Литературы очень мало по этой проблеме, чаще всего на иностранном языке. Были великие самоучки, но они воспитали не многих великих мастеров.

А как вы стали преподавателем? Как возглавили школу «Мастер от А до Я»?

У меня было определенное недовольство работой в университете. Вначале у нас было много уроков по каллиграфии. С первого курса до половины четвертого была дисциплина, со студентами исписывали огромные листы буковок. А потом все стали прикрывать: живопись, графику, потом каллиграфия оказалась на задворках. Я хотел преподавать людям, которым это интересно. Мне хочется подготовить единомышленников, людей, которые будут работать в этом направлении.

А чем ваша школа отличается от других?

Мы работает только ширококонечным пером. Некоторые преподают по Интернету, я предпочитаю только живое общение, с 12 до 15 я не могу присесть, поскольку все это время хожу среди учеников, поправляю ошибки, поясняю строение каждой буковки, пишу на доске и т. д. Я не стремлюсь на этом заработать деньги.

Постоянно внушаю студентам: глупо верить, что количество переходит в качество. Как оно перейдет, если систематически совершать одну ошибку, доводя ее до автоматизма? Рядом нужен учитель, иначе ошибка отложится в мышечной памяти. Количество только тогда перейдет в качество, когда все время пишешь, сравниваешь, анализируешь, в чем отличия у тебя и преподавателя.

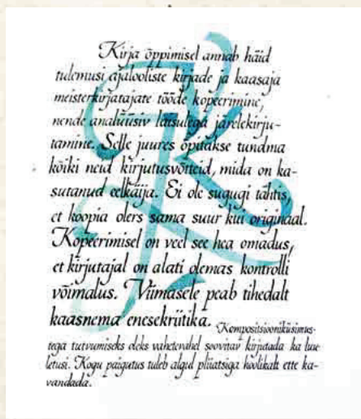
Ко мне ходят не только те, кто связан с художественным миром, например, есть даже психиатры. Все зависит от желания и готовности развиваться.

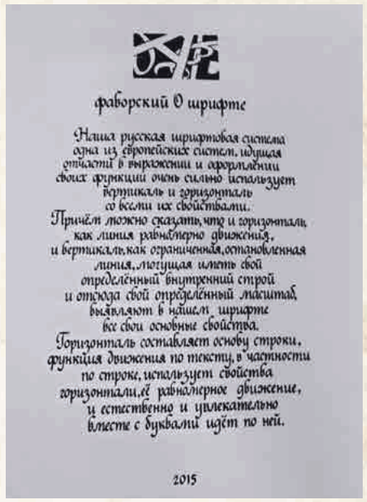
Работы кого из своих учеников вы можете посоветовать к ознакомлению?

Например, работы Яковлева Александра. Это мой студент, сначала ничего не умел, но старался и достиг огромных высот.

Как вы решились написать первую книгу?

Писал я всегда неплохо, но мне еще учительница в школе, несмотря на тройки по предмету, говорила:





«Леня, ты будешь писателем». Ну, каким писателем, когда у меня все время 3?! А вот ведь оказалась права!

Я познакомился с Виллу Тоотсом, он очень хорошо ко мне отнесся. Он предложил написать статьи, получилось. Я создал материалы для журнала «Юный художник», «В мире книг» и др. Недавно получил письмо, оказывается, адресант заинтересовался каллиграфией после прочтения моих статей.

Я увидел, что тексты о каллиграфии могут быть интересным и решился написать книгу так, чтобы показать все просто и увлекательно. Константин Михайлович Буров поддерживал, продвигал в издательстве.

«Каллиграфия для всех» – это первая в стране книжка, которая полностью посвящена искусству красивого письма. У Виллу Тоотса очень известная книжка, но в ней есть и рисованный и типографский шрифты, а здесь только каллиграфия. В советские времена трудно было собирать образцы из разных стран, нельзя было переписываться, мои книги возвращали, поскольку можно было пересылать только после разрешения Министерства культуры. Поэтому многие художники-участники остались обделенными. Первая книжка лежала года полтора, потому что сомневались, будет ли это интересно, а сейчас уже готовится новое переиздание: все сдвинулось с мертвой точки, появился интерес к каллиграфии.

Как вы думаете, в чем успех книги?

Потому что у нас нет такой литературы, в основном, только переводная. Это первый отечественный опыт. Третье издание – расширенное, на лучшей бумаге, с цветными качественными работами. А еще у меня в архивах были редкие работы, письма каллиграфов, которые я включил в издание. Да и вообще к каллиграфии сейчас возрастает интерес.

А откуда возникла идея второй книги «Русская каллиграфия. Один учитель, 222 студента»?

Просто было много интересных случаев в триаде преподаватель-шрифт-студент. Что-то запомнилось, что-то записывалось. Собралось много интересных работ, выполненных на уроках учениками. Вот ее издали. Это первая в мире книжка, где опубликовано более 200 работ студентов, выполненных у одного учителя. Сейчас я ее расширил, заменил работы на новые, по-новому скомпоновал, сохранив лишь рассказы.

Как научиться воспринимать и понимать каллиграфию? На что обращать внимание?

Во-первых, анатомия. Во-вторых, индивидуальный подход автора. Одно дело скопировать шрифт, а совсем другое – привнести в него что-то свое. В-третьих, конечно, композиция. Я знаю многих художников, которые прекрасно рисовали, но когда дело касалось композиции они проигрывали, оказываясь исполнителем, а не создателем.

Как воспринимать абстрактную каллиграфию?

В ней нужна необычная композиция, ведь тему или произведение можно преподнести абстрактно, но с использованием цвета, построения. Как правило те, кто этим занимается, имеют прекрасное классическое образование. За этим чувствуется движение руки, кисти, цвета. Всегда можно отличить беспомощное решение от грамотного.

Нужно выделять каллиграфию в отдельный вид искусства?

Я думаю, да. Она очень сильно отличается от живописи, графики. Другое дело, если это совмещается, бывают работы на стыке графики и каллиграфии.

Какие новые тенденции вы замечаете в современной каллиграфии?

Все новое это хорошо забытое старое. Не думаю, что мы откроем сейчас что-то новое. Наша каллиграфия была столько лет забыта, что сложно говорить уверенно. Даже мастодонты искусства не были знакомы с каллиграфией, которую наши предки совершенствовали не одну сотню лет. В XVI-XVII веках у нас был расцвет искусства красивого письма, сейчас все повторяется.

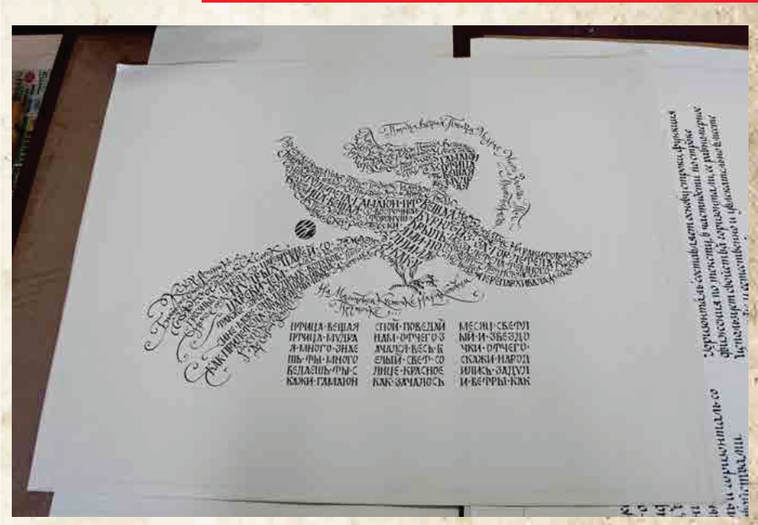
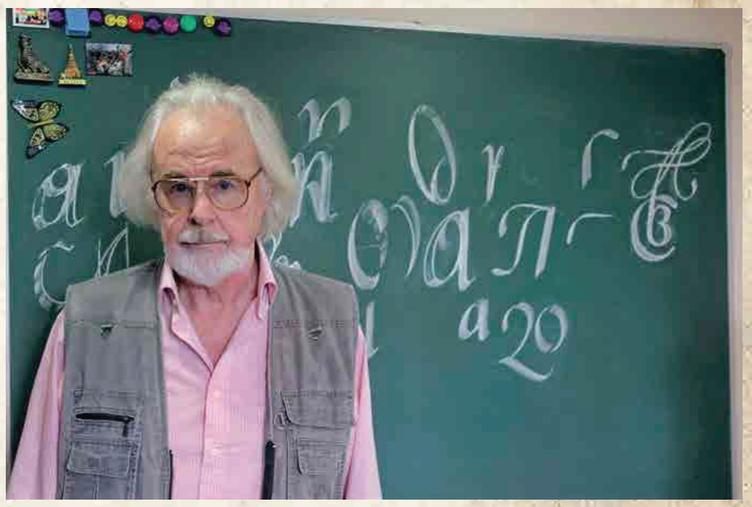
Какое будущее у каллиграфии, например, лет через 5?

Мне бы хотелось, чтобы каллиграфии предоставили более широкую дорогу. Виллу Тоотс оформил более 500 книг рукописным шрифтом, а у нас пока нет такого понятия. Каллиграфия должна существовать на таких же правах, как живопись, скульптура и т. д. Я думаю, что это время придет, поскольку этим начинают интересоваться, появляются выставки, создаются рукописные книжки и т. д. Например, Илья Трофимович Богдеско создал сокращенный рукописный вариант «Дон Кихота».

Каллиграфия может быть в скульптуре, вытравлена в металле и т. д. Ведь это все на основе рукописного шрифта, а выполнено это объемно или на листе бумаге – уже не важно.

Во многом этому способствует Международная выставка каллиграфии в Москве. Когда-то я предлагал сделать каллиграфическую выставку в Краснодаре и организовать музей.

Однако у нас идея не получила поддержки. А.Ю. Шабуров, прочитав однажды в самолете в журнале статью моего авторства о каллиграфии, предложил помощь для развития искусства красивого письма. Он создал уникальный проект – Международную выставку каллиграфии, в которой приняли участие приглашенные гости из Америки, Франции, Нидерландов, Германии и др. Но кроме этого было важно создать место, где бы под одной крышей удалось собрать образцы работ современной каллиграфии, чтобы люди смотрели не на старинные рукописи. Я счастлив, что появился такой замечательный музей (прим. Современный музей каллиграфии)

Леонид Иванович, что вы пожелаете тем, кто начинает свой путь в мир каллиграфии?

Найдите хорошего учителя, настоящего каллиграфа, и творите!